

INSPIRIA

СТИВЕН ГРЭМ
ДЖОНС

ТОЛЬКО ХОРОШИЕ ИНДЕЙЦЫ

«ЭТО САМЫЙ
АМЕРИКАНСКИЙ
РОМАН УЖАСОВ,
КОТОРЫЙ
Я КОГДА-ЛИБО
ЧИТАЛ».

ГРЕЙДИ ХЕНДРИКС

INSPIRIA

Стивен Грэм Джонс

Только хорошие индейцы

Серия «Universum. Дом монстров»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62987767
Только хорошие индейцы: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-115368-7*

Аннотация

«Это самый американский роман ужасов, который я когда-либо читал». – Грейди Хендрикс

Стивен Грэм Джонс – автор 15 романов и 6 сборников рассказов в жанрах ужасов, научной фантастики, экспериментального и криминального романа. Он награжден премией имени Брэма Стокера и является четырехкратным лауреатом премии «Это хоррор», финалистом Всемирной премии фэнтези и премии имени Ширли Джексон. На русском языке почти не издавался. Джонс – чистокровный индеец из племени черноногих. Он по-настоящему любит вервольфов и фильмы-слэшеры. Несмотря на то, что список его любимых книг меняется ежедневно, в нем постоянно есть «ВАЛИС» Дика и вестерн «Одинокый голубь». Джонс – профессор литературы в Университете штата Колорадо.

Он живет в Боулдере, женат, у него куча детей и пара грузовичков.

«Фанаты «Оно» Кинга и «Истории с привидениями» Страуба должны полюбить эту книгу: история о друзьях, преследуемых сверхъестественным существом, с которым они столкнулись в юности». – Сильвия Морено-Гарсия, финалист премии Небьюла

«Это триллер о мести, похожий на фильм в жанре «монстр-муви» и одновременно медитация о неизбежном подспудном влиянии прошлого. Цепляющий, глубоко тревожащий роман». – Кармен Мария Мачадо, лауреат премии им. Ширли Джексон

Четыре друга детства встречаются каждый год. Они устраивают охоту на оленя, чтобы забыть об этом до следующего года. Обычное дело, обычный трофей – так было всегда. До этого раза.

Прошло десять лет. Что-то начинает преследовать этих забывших свое наследие людей. Свирепый мстительный дух приходит к каждому, к одному за другим.

Природа мстит потерянному поколению, у которого и так нет ни шанса.

Содержание

Пролог	7
Дом, который стал красным	24
Пятница	24
Суббота	32
Понедельник	45
Вторник	57
Среда	67
Та суббота	80
Пятница	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Стивен Грэм Джонс

Только хорошие индейцы

Stephen Graham Jones THE ONLY GOOD INDIANS

Copyright © 2020 by Stephen Graham Jones

Иллюстрации на обложке, полусупере и титуле Ольги За-
кис

ISBN 978-5-04-115368-7

© 2020 by Stephen Graham Jones

© Н. Ибрагимова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2021

СТИВЕН ГРЭМ
ДЖОНС

**ТОЛЬКО
ХОРОШИЕ
ИНДЕЙЦЫ**

INSPIRIA

МОСКВА

Пролог

Заголовок заметки о Ричарде Боссе Рибсе был бы таким:

«ИНДЕЕЦ УБИТ ВО ВРЕМЯ СТЫЧКИ ВОЗЛЕ
БАРА»

Можно и так сказать.

Рикки нанялся на работу в буровую бригаду в Северной Дакоте. Поскольку он был там единственным индейцем, его нарекли Вождем. А поскольку он был еще и новичком и, вероятно, не собирался задержаться надолго, именно его отправляли вниз регулировать натяжение цепи бура. Каждый раз, когда он возвращался, не потеряв ни единой конечности, он показывал большие пальцы всем на платформе, демонстрируя, что с его удачей ему ничего не грозит.

Рикки Босс Рибс.

Он смылся из резервации внезапно, когда его младший брат Чито умер от передоза в чужой гостинице; Рикки сказали, что телевизор там был настроен на канал, который просто все время показывал парковку у местного продуктового магазина. Рикки никак не мог избавиться от мысли о том, что этот канал смотрят только самые старые из старейшин. Такая жизнь все время напоминала о том, какой дерьмовой была резервация, такой тоскливой и никудышной. А его младший брат почти не смотрел даже нормальных каналов и не мог

долго усидеть перед ящиком, он бы скорее листал комиксы.

Вместо того чтобы тащиться окольной дорогой в похоронной процессии и торчать на семейном участке кладбища позади Восточного Глейшера, за которым все припарковали свои машины на лесовозной дороге позади него, чтобы потом развернуться, подъехав прямо к могилам, Рикки сбежал в Северную Дакоту. Он планировал попасть в Миннеаполис – он там знал кое-кого из парней, – но на полпути туда узнал, что нефтяникам на буровую требуются рабочие, предпочтительно индейцы, потому что те от природы устойчивы к холоду. И поэтому они, возможно, не сбегут зимой.

Рикки во время разговора с мастером в оранжевом трейлере-бытовке кивнул, подтверждая эти домыслы. Черноногим плевать на холод, и – нет, он не сбежит от них в середине недели, бросив бригаду недоукомплектованной. Он умолчал лишь о том, что устойчивость к холоду приобретается не потому, что у тебя хреновая куртка, а просто через какое-то время перестаешь жаловаться на холод, так как от этого теплее не становится. И еще не сказал, что, получив первый зарплатный чек, он уедет в Миннеаполис, и поминай как звали!

Мастер, который с ним беседовал, был толстяком с обветренным лицом, светлыми волосами и жесткой бородой, похожей на проволочную губку для посуды. В тот момент, когда он потянулся через стол, чтобы пожать Рикки руку, и посмотрел ему в глаза, современный мир на долгое мгновение куда-то исчез, и эти двое перенеслись в брезентовую палат-

ку: мастер был облачен в мундир кавалериста, и Рикки уже положил глаз на медные пуговицы его мундира. В тот момент он совсем не думал о бумаге на столе между ними, на которой только что поставил свою закорючку.

В последние несколько месяцев это случалось с ним все чаще и чаще. С той самой неудачной охоты прошлой зимой и до этого собеседования, и не прекратилось даже со смертью Чито на том диване.

Свое имя Чито получил не при рождении, но из-за веснушек и копны ярко-рыжих волос от этого прозвища ему так и не удавалось избавиться¹.

Рикки думал о том, как прошли похороны. Он гадал, стоит ли там сейчас большой чернохвостый олень, прижавшись носом к ограде из мелкой сетки, вокруг мертвых индейцев. И что на самом деле видит тот большой олень-мул, и не ждет ли он, пока все эти двуногие не уйдут?

Чито бы подумал, что это красивый олень, решил Рикки. Мальчишкой он никогда не соглашался вставать рано вместе с Рикки, чтобы пойти в лес на рассвете. Ему никогда не хотелось кого-нибудь прикончить, за исключением банок с пивом. Возможно, он стал бы вегетарианцем, если бы в резервации такое было возможно. Его ярко-рыжие волосы и без того служили мишенью для шуточек, и вздумай он питаться кроличьей едой, из тупых индейцев, жаждущих над ним позидеваться, выстроилась бы целая очередь.

---

¹ Cheetah (англ.) – гепард.

Но он все равно умер на том диване, даже не от чьей-то руки, просто сам наложил на себя руки, и после этого Рикки решил, что тоже выберется оттуда, пропади все пропадом. Конечно, он поработает «цепной обезьяной»² бригады недельку-другую. Да, он не против ночевать вчетвером с белыми парнями в покачивающемся на ветру трейлере. Нет, он не против того, чтобы быть Вождем, хоть и понимал: окажись он здесь в те времена, когда индейцы совершали набеги и загоняли бизонов, он и тогда был бы мелкой сошкой. Каким бы ни был эквивалент «цепной обезьяны» во времена стрел и лука, Рикки Босс Рибс занял бы именно это место.

В детстве он видел в библиотеке книжку с картинками о Разбитых Головах, или как там они назывались, – книжку об охоте на бизонов, как в старину индейцы из племени черноногих гнали одно стадо за другим к обрыву, с которого те и прыгали. Рикки помнил, что тем парнем, который набрасывал на плечи шкуру и бежал впереди бизонов, становился победитель соревнований по бегу, устраиваемых старейшинами между всеми мальчишками. Еще он лучше всех лазил по деревьям, потому что нужно быть не только очень быстрым, чтобы мчаться перед многотонной массой мяса, но и обладать крепкой хваткой, чтобы в последний момент в прыжке со скалы ухватиться за веревку, которую заранее оставили там мужчины, и повиснуть на ней под обрывом, в безопасном месте.

---

² Регулировщик натяжения цепи бура.

Каково было сидеть там, пока бизоны, вытянувшие вперед ноги в ожидании приземления, с мычанием проплывали по воздуху вниз на расстоянии вытянутой руки?

Что ты чувствовал, когда добывал мясо для всего племени?

Они почти сделали это в прошлый День благодарения: он, и Гейб, и Льюис, и Касс, они намеревались это сделать, собирались хоть раз стать индейцами-добытчиками, планировали показать всем в Браунинге, как это делается, но потом повалил густой, мокрый снег, и все покатилося к чертям, а Рикки оказался здесь, в Северной Дакоте, как будто не мог придумать ничего лучше, чем явиться сюда из холода.

Проклятие.

В Миннеаполисе он собирался добыть себе только тако³ и постель.

Но пока что сойдет и пиво.

Бар был битком набит исключительно рабочими с буровой. Пока никаких драк, но все еще впереди. Там был еще один индеец, кажется, из племени дакота, он сидел в углу возле бильярдных столов, обхватив руками бутылку. Он кивнул Рикки, и Рикки кивнул в ответ, но у этих двоих было так же мало общего, как у Рикки с его бригадой.

Его внимание больше привлекала блондинка-официантка, лавирующая с подносом пустой посуды в гуще толпы.

---

³ Мексиканский пирожок из кукурузной лепешки с начинкой из мясного фарша с помидорами и овощами.

Пятьдесят пар глаз следили за ней с одобрением. Рикки она показалась похожей на ту высокую девушку, с которой Люис в июле сбежал в Грейт-Фоллз, но она, наверное, уже бросила его, а значит, сейчас Люис сидит в точно таком же баре, как этот, и точно так же сдирает со своего пива этикетку.

Рикки поднял свою бутылку, приветствуя его через все мили между ними.

Четыре бутылки и девять песен кантри спустя он встал в очередь в мужской туалет. Вот только эта длинная очередь уже протянулась через весь зал, и в прошлый раз он видел, что некоторые парни мочились и в мусорные урны, и в раковину. Воздух был настолько едкий и затхлый, что едва ли не хрустел у Рикки на зубах, когда он случайно открывал рот. Здесь было не хуже, чем в сортире на буровой, но там можно просто расстегнуть молнию на ширинке в любом месте и облегчиться.

Рикки вышел из очереди и допил свое пиво, потому что копам дай только волю поймать индейца с пивной бутылкой в толпе возле бара, и стал пробираться к выходу, чтобы глотнуть свежего воздуха и облюбовать какой-нибудь столб, который срочно нужно полить.

У выхода вышибала хлопнул своей мясистой ладонью по груди Рикки, посоветовал пока не выходить и добавил что-то насчет подсчета по головам и целой пожарной команды.

Рикки посмотрел в открытую дверь на толпу буровых рабочих и ковбоев, ожидающих возможности войти в бар; они

сверкали на него глазами, но ни о чем не просили. Эту очередь ему пришлось бы потом растолкать или опять ждать возможности попасть внутрь. Но выбирать времени уже нет. Еще минута-две – и из него польется так, что по-любому надо оказаться в каком-нибудь месте, где он сможет это сделать, не обгадив одежду.

Он наверняка способен отстоять полчаса в очереди, чтобы еще немного поглазеть на ту блондинку-официантку. Рикки боком протиснулся мимо вышибалы, кивнув в знак того, что знает что делает, и какой-то рабочий сразу же занял его место.

Даже не было времени притормозить рядом с баром, поднять лапу и помочиться на кучу дымящихся мешков возле мусорных баков. Рикки просто двинулся вперед, прямо к грузовикам с буровой, припаркованным более или менее ровными рядами, и его прорвало на ходу, не успел он остановиться. Ему даже пришлось слегка откинуться назад: струя била, как из пожарного шланга.

Он зажмурился, охваченный таким наслаждением, какого давно не испытывал, а когда открыл глаза, то понял, что он здесь уже не один.

И приготовился дать отпор.

Только глупые индейцы пытаются прошмыгнуть мимо банды крутых белых парней, каждый из которых уверен, что место, которое ты занимал в баре, должно по праву принадлежать ему. Белые спокойно относятся к Вождю, который

регулирует натяжение цепей в бригаде, но когда речь заходит о том, кому позволено глазеть на белую женщину, ну, это уже совсем другое дело.

«Глупец, – сказал себе Рикки. – Глупец, глупец, глупец».

Он взглянул вперед, на капот, через который собирался перевалить, скользнув на бедре, на кузов грузовика, который, он надеялся, не набит доверху всякими железками, о которые он может сломать лодыжки, потому что он уже собирался туда рвануть. Группа белых парней может избить индейца до полусмерти, да, нечего и сомневаться, в здешних горах такое случается каждые выходные. Но сперва им надо его схватить.

А теперь, когда, по его прикидкам, он стал легче на целых три фунта жидкости и быстро трезвеет, ни один из них, даже если он бывший чемпион по бегу, и пальцем не ухватит Рикки за рубашку.

Рикки улыбнулся сам себе плотно сжатыми губами, кивнул, подбадривая себя и перебирая в уме все ружья, хранящиеся за сиденьем его грузовика, оставленного на буровой. Когда он сбежал из резервации, он забрал их все, даже ружья дядюшек и деда – они все стояли в одном чулане у входной двери, – а потом еще захватил большой мешок с разнокалиберными патронами, решив, что некоторые из них должны к ним подойти.

Идея заключалась в том, что в Миннеаполисе ему понадобятся деньги на первое время, а ружья превращаются в на-

личные быстрее, чем любой другой товар. Но потом он нашел работу по пути туда. И задумался о том, что дядюшкам нужно будет заполнить морозильник припасами на зиму.

Рикки дал себе обещание вернуть все ружья по почте на обширной парковке бара для буровиков в Северной Дакоте. Но не придется ли разобрать их на части и отправить в отдельных свертках, чтобы ружья перестали быть ружьями?

Рикки этого не знал, но точно понимал, что в данный момент ему не помешало бы помповое ружье калибра.30-06. Пострелять, если дело дойдет до этого, но главным образом просто резко повернуться и оставить полукруглые отпечатки ружейного ствола на щеках, на лбу и на грудных клетках, а для челюстей идеально подойдет конец приклада.

Может, ему и придет конец на этой парковке в луже собственной мочи, но, по крайней мере, чумазые белые парни запомнят этого черноногого и в следующий раз дважды подумают, увидев другого индейца в их баре.

Жаль, Гейба нет рядом. Гейб любил такие стычки – он играл в ковбоев и индейцев на всех парковках в мире. Он бы издал свой дурацкий боевой клич и просто бросился драться как черт. Он как будто уносился на сто пятьдесят лет назад и проживал так каждый день своей нелепой жизни.

Но когда ты с ним, с Гейбом... Рикки прищурил глаза, снова кивнул сам себе, собираясь с силами. Он должен сделать вид, постараться быть похожим на Гейба. Когда Рикки был с Гейбом, ему всегда хотелось издать такой же боевой

клич, чтобы, когда он повернется лицом к этим белым парням, он почувствовал себя с томагавком в руке. Почувствовал, что его лицо разрисовано резкими, грубыми черно-белыми узорами и, может, с одной-единственной красной полосой справа шириной в палец.

Года летят, приятель.

– Так, – произнес Рикки, сжимая руки в кулаки. Его грудь уже вздымалась, он обернулся, чтобы покончить с этим, стиснул зубы, не боясь предстоящего удара.

Но... никого?

– Что за?... – произнес Рикки и осекся, потому что там все-таки что-то *было*.

Огромный темный силуэт, перебирающийся через совершенно неуместный жемчужно-белый «Ниссан».

Не лошадь, словно ударом промелькнуло у него в голове. Рикки невольно улыбнулся. Это же вапити⁴? Большой, упитанный молодой олень, у которого ума не хватило понять, что сюда ходят люди, а не животные. Он один раз фыркнул и перепрыгнул на грузовик справа от него, оставив на красивом, обтекаемом капоте маленького «Ниссана» вмятину, из-за которой его края загнулись кверху, как у лепешки тако. Но, по крайней мере, автомобиль стерпел это молча. Тот грузовик, на который обрушился вапити, не выдержал такого оскорбления, и его сигнализация пронзительно завизжала, да так громко, что олень сиганул вниз на все четыре ко-

---

⁴ Североамериканский благородный олень.

пыта. Вместо того чтобы выбрать один из двадцати логичных путей спасения от этого звука, он прыгнул через капот орущего грузовика в промежуток между ним и следующим автомобилем.

А после пьяный олененок врезался в еще один грузовик, а потом и в следующий.

Все сигнализации взвыли, фары замигали.

– Что на тебя нашло, приятель? – спросил потрясенный Рикки у вапити.

Но он быстро пришел в себя. Молодой вапити развернулся и помчался по проходу между автомобилями, пригнув рогатую голову, как зрелый самец, прямо на стоящего там Рикки...

Рикки отпрыгнул в сторону и налетел на еще один грузовик, включив тем самым еще одну противоугонную сигнализацию.

– Что тебе от меня нужно? – крикнул Рикки оленю и потянулся к платформе ближайшего грузовика. Он нащупал огромный серпообразный гаечный ключ и решил, что тот послужит хорошим средством защиты. По крайней мере, он на это надеялся.

Неважно, что вапити был тяжелее его на целых пятьсот фунтов.

Неважно, что олени так не поступают.

Когда он услышал дыхание вапити у себя за спиной, он обернулся, одновременно замахиваясь, и поднятый над его

головой гаечный ключ врезался в боковое зеркало высокого «Форда». Сигнализация большого грузовика взвыла, вспыхнули все фары и подфарники, и когда Рикки оглянулся на топот копыт за спиной, то на этот раз это были не копыта, а сапоги.

Это были все рабочие буровой и ковбои, которые стояли в очереди в бар.

— Он... он... — сказал Рикки, держа гаечный ключ наподобие колотушки для шин, а каждый второй грузовик рядом с ним мигал огнями от боли и демонстрировал только что полученные повреждения. Он тоже их видел, и видел то, что видели они: этого индейца только что обидели в баре, он не знал, где чей грузовик, поэтому выместил свою обиду на всех грузовиках на парковке.

Вот так всегда. Сейчас один из белых парней пошутит насчет того, что Рикки сбежал из резервации, а потом должным образом начнется то, что должно произойти.

Только вот Рикки, может, хочется *жить*.

Он уронил гаечный ключ в грязь, вытянул руку и произнес: «Нет, нет, вы не понимаете...»

Но они понимали.

Когда они сделали шаг вперед, чтобы сбить его с ног по освященному временем обычаю, Рикки повернулся, наполовину перескочил через разгромленный вапители «Ниссан», пережил неприятное мгновение, когда чьи-то пальцы зацепили петлю его ремня, но он резко вильнул бедрами, вырвался,

упал вперед, пробежал несколько шагов и упирался в землю руками, пока не восстановил равновесие. Пивная бутылка пролетела мимо его головы, разбилась о решетку капота прямо перед ним, и Рикки выбросил вверх руки, чтобы защитить глаза, потом попытался обогнуть грузовик, но ему это не совсем удалось – его бедро задело остаток вертикального элемента решетки, из-за чего он развернулся и упал на следующий грузовик с еще одной дурацкой сигнализацией.

– Мать твою! – заорал он этому грузовику, всем грузовикам, всем ковбоям, всей Северной Дакоте, нефтяным промыслам и Америке в целом, а потом, когда побежал изо всех сил по проходу между грузовиками, отталкиваясь от всех боковых зеркал, два из которых оторвались и остались у него в руках, он почувствовал, как на его лице расплывается улыбка – улыбка Гейба.

«Значит, вот что при этом чувствуешь».

– Да! – заорал Рикки, волны адреналина и страха плескались у него в мозгу, подавляя все мысли. Он развернулся и побежал обратно, чтобы вытянуть обе руки и ткнуть пальцами в буровиков. Сделав четыре шага с этим грозным, важным жестом, он выбежал на открытое пространство, какой-то круг на вспаханном поле, зацепился каблуком левого сапога за камень или замерзшую бизонью лепешку в траве и растянулся на земле.

За своей спиной он видел темные силуэты, прыгающие через платформы грузовиков, их ковбойские шляпы взлетали

в воздух вместе с ними, но эти силуэты не опускались, они просто растворялись в ночной темноте.

– Умеют белые парни двигаться... – сказал он про себя, не различая границы реальности, он оттолкнулся от земли и встал, и тоже пришел в движение.

Когда стук шагов и топот сапог зазвучал слишком близко, так близко, что Рикки уже не мог это вытерпеть, он понял, что уже все, и ухватился за бампер, под прямым углом запрыгнув под грузовик.

Этому способу убегать он научился в возрасте двенадцати лет, когда умел извиваться и скользить, как змея.

Однако все грузовики в Северной Дакоте высокие, чтобы можно было ездить по грязи. Рикки скользнул под грузовик, инерция позволила ему проскочить половину его ширины. Чтобы пройти вторую половину, он вытянул руку, пытаясь ухватиться за что-нибудь, и кожа на ладони и пальцах тут же задымилась от жара трехдюймовой выхлопной трубы.

У Рикки вырвался вопль, но он выскочил с другой стороны грузовика с такой скоростью, что врезался в старый потрепанный грузовик, не оборудованный сигнализацией. Впереди, на расстоянии двух грузовиков, темные силуэты выполняли свой любимый манёвр для поимки индейца, расходясь в стороны под углом в сорок пять градусов.

– Пригнись, – сказал себе Рикки и исчез: он побежал, пригибаясь и чувствуя себя солдатом, который бежит вдоль окопа, а вокруг летают снаряды. Вполне похоже на правду.

– Вон он! – заорал какой-то рабочий, но его голос раздался где-то далеко, и Рикки понял, что парень ошибся, и белые окружают кого-то другого. Пройдет секунд десять или двадцать, пока они поймут, что это не индеец.

Когда между ним и преследователями уже было десять грузовиков, Рикки наконец выпрямился в полный рост, чтобы убедиться, что вместо него не достанется тому парню из племени дакота.

– Я прямо здесь, – не слишком громко крикнул Рикки бурильщикам, потом повернулся, миновал последний ряд грузовиков и спустился к узкой полосе асфальтобетона, которая протянулась между автостоянкой бара и обширным просторством замерзших лугов.

Значит, ему предстоит ночная пешая прогулка. И ночь игры в прятки с каждой парой фар. Холодная ночь. Хорошо, что ты индеец, сказал он себе, втягивая в себя воздух и с трудом застегивая молнию на куртке. Индейцы не боятся холода.

Он хрюкнул, изображая смех, и не оглядываясь, одним прыжком перепрыгнул через полосу, обожженной рукой уперся в обочину и ступил на выцветший асфальт, и в тот самый момент рядом с его сапогом разлетелась на осколки бутылка.

Он вздрогнул, отпрянул в сторону, оглянулся на множество теней, состоящих из рук, ног и голов с короткими стрижками, перемахивающих через грузовики.

Они его видели, различали его индейский силуэт на фоне светлой, замерзшей травы.

Он зашипел, с отчаянием резко выдохнув сквозь зубы, качнул головой из стороны в сторону и прыгнул на обочину, не сгибая колени, чтобы проверить, насколько хватит их упорства. Им сегодня так сильно хочется догнать индейца, что они готовы бежать в открытую прерию в ноябре, или им достаточно просто прогнать его прочь?

Не доверяя асфальту и льду на противоположной обочине, Рикки скользнул по ней, и когда каблуки его сапог коснулись травы, он едва удержался на ногах, а потом превратил падение в бег с наклоном вперед. Да он бы и упал, если бы не врезался животом в верхнюю проволоку на ограде. Он легко перескочил через ограду, проволока оторвалась от креплений на столбах на середине прыжка, будто специально для того, чтобы он уткнулся всем лицом в колючую траву на другой стороне.

Рикки перекатился на спину и лежал, глядя на россыпь звезд на огромном черном небе. Он думал о том, что ему, возможно, следовало остаться дома и пойти на похороны Чито, что, может, ему не следовало воровать ружья у своих родных. И, быть может, ему совсем не надо было сбегать из резервации.

Он был прав.

Когда он встал, вместо бескрайней прерии замерзшей травы на него смотрело целое море зеленых глаз.

Огромное стадо вапити ожидало его, преграждая ему дорогу, а другое огромное стадо настигало его сзади, стадо людей, они уже были на асфальтобетоне, их голоса становились громче, руки сжимались в кулаки, глаза сверкали белым огнем.

«ИНДЕЕЦ УБИТ ВО ВРЕМЯ СТЫЧКИ ВОЗЛЕ БАРА».
Можно и так сказать.

Дом, который стал красным

Пятница

Льюис стоит в сводчатой гостиной их с Питой нового арендованного дома и пристально смотрит на точечный светильник над камином, посмеивший замигать именно в тот момент, когда он на него взглянул.

До сих пор он включался и мигал в совершенно произвольное время. Может быть, он подчинялся некоему таинственному и невероятному сочетанию сработавших в доме выключателей, или из-за того, что в розетку на кухне включили утюг, а часы наверху в это время не были включены в сеть – или, напротив, включены? И это не говоря обо всех возможных комбинациях включения двери в гараже, холодильника и прожекторов, освещающих подъездную дорожку.

Загадка, вот что это такое. Но сейчас куда важнее решить другую загадку: какой сделать сюрприз для Питы за то короткое время, пока она съездит в гастроном и вернется к обеду. Харли, полукровка-«маламутант» Льюиса, упорно и жалобно лает во дворе, потому что привязан к бельевой веревке. Он уже почти охрип от лая. Льюис знает: очень скоро он сдастся и замолчит.

Если он сейчас отстегнет ошейник, он словно признает, что это пес его дрессирует, а не наоборот. Правда, Харли уже староват для дрессировки, но и Льюис давно не мальчик. В самом деле, Льюис считает, что заслуживает большой индейской медали за то, что дотянул до тридцати шести и ни разу не покупал бургер с жареной картошкой в ресторане быстрого обслуживания «на ходу», и не заработал ни диабета, ни гипертонии, ни лейкемии. И еще он заслужил много разных наград за то, что в списке его достижений нет серьезных автоаварий, тюремного срока или алкоголизма. Быть может, наградой за то, что он счастливо избежал всего вышеперечисленного – и наркотиков, наверное, тоже – является его десятилетний брак с Питой, вовсе не обязанной мириться с деталями мотоцикла, отмокающими в раковине, с потеками соуса чили, которые он вечно оставляет между кофейным столиком и диваном, и с разным ненужным хламом его племени, который он украдкой притаскивает и вешает на стены их очередного дома.

Он воображает себе, как делает уже много лет, крупные буквы заголовка в газете его родных мест «Репортер Глейшера»: «БЫВШАЯ ЗВЕЗДА БАСКЕТБОЛА ДАЖЕ НЕ МОЖЕТ ПОВЕСИТЬ ОДЕЯЛО С ВЫПУСКНОГО ВЕЧЕРА В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ». И не потому, что Пита против полноразмерных одеял, а скорее из-за того, что он завернул в него бесплатную посудомоечную машину, которую вез домой пару лет назад, и машинка эта перевернулась в кузове

его грузовика на самом последнем повороте, из-за чего густая вонючая жижа испортила изображенный на одеяле Гудзонов залив. Но это неважно.

И также не имеет значения, что он был не такой уж звездой баскетбола полжизни тому назад.

Ведь никто, кроме него, не читает эту воображаемую газету.

А завтрашний заголовок?

«ИНДЕЕЦ, КОТОРЫЙ ЗАЛЕЗ СЛИШКОМ ВЫСОКО».

Подробности на стр. 12.

Иными словами, лампочка на потолке не спустится к нему сама, поэтому ему придется лезть к ней наверх.

Льюис находит алюминиевую лестницу длиной в четырнадцать футов под коробками в гараже, тащит ее через задний двор, с трудом протаскивает через раздвижные стеклянные двери, способ запереть которые он давно обещал придумать, и устанавливает ее под этой дурацкой маленькой лампочкой. Если она даже работает, то светит только на фартук из кирпичей перед камином, который Пита называет «домашний очаг».

Белые девушки знают названия для всего на свете.

Это нечто вроде их семейной шутки, потому что именно так начались их отношения. Двдцатичетырехлетняя Пита сидела за столом для пикника возле большого жилого дома в Восточном Глейшере, и двадцатишестилетний Льюис в конце концов попался на том, что все время косил одну и ту же

полоску травы, пытаясь разглядеть, что она там рисует.

– Вы что, снимаете с нее скальп? – достаточно громко крикнула она ему.

– Хм, – хмыкнул в ответ Льюис, выключая механическую газонокосилку.

Она объяснила, что не собиралась его оскорблять, а просто использовала термин, описывающий ситуацию, когда газон стригут очень коротко, как делает он. Льюис сел напротив нее, спросил, не туристка ли она или приехала к кому-нибудь на лето, или что-то вроде этого, а ей понравились его волосы (тогда они были длинными), потом ему захотелось увидеть все ее татуировки (они уже почти целиком заполнили ее тело), и в течение пары недель они проводили вдвоем каждую ночь в ее палатке, или на сиденье грузовика Льюиса, или на чем угодно в гостиной его двоюродного брата, по крайней мере до тех пор, пока Льюис не сказал ей, что собирается сбежать оттуда, покинуть резервацию и послать к дьяволу это место.

Вот как он понял, что Пита – настоящая девочка: она не оглянулась вокруг и не сказала: «Но здесь так мило», или «Как ты можешь» или – хуже всего – «Но это же твоя земля». Она восприняла его слова скорее как вызов, подумал Льюис, и не прошло и трех недель, как они уже были неразлучны и ночью и днем в подвале дома ее тети в Грейт-Фолз, и все у них получилось. И не собиралось заканчиваться, может, благодаря таким удачным сюрпризам, как починка лампоч-

ки, которую невозможно починить.

Льюис взбирается, как паук, по шаткой лестнице и сразу же подпрыгивает на десять дюймов вверх, чтобы его лицо не исполосовали лопасти вентилятора, свисающего с потолка на четырехфутовом бронзовом стержне. Если бы он прочитал в «Книге здравого смысла» о таких трюках – если бы он только помнил, на какой полке лежит эта книга – то на первой странице наверняка говорилось бы, что прежде, чем залезать на лестницу, надо догадаться выключить все вращающиеся приборы, которые могут сломать твой глупый нос.

Но все-таки, когда он стоит выше вентилятора и чувствует, как кончики лопастей пытаются поцеловать его бедро сквозь джинсы, и упирается кончиками пальцев в скошенный потолок, чтобы не упасть, он делает то, что сделал бы каждый: смотрит вниз сквозь воздушный вихрь из лопастей, которые пересекают одну и ту же часть комнаты таким образом, что... что...

...что образуют какую-то картинку?

Не просто картинку из прошлого, но из очень знакомого прошлого.

Сквозь туманный круг вращающихся лопастей вентилятора, похожих на стрелки часов, он видит лежащую на боку молодую самку вапити. Льюис понимает, что она молодая, по размеру ее тела – точнее, по отсутствию явных выпуклостей и общей худобе, нескладности. Если бы она никуда не исчезла, спустился он вниз и покопавшись ножом у нее во рту,

он не обнаружил бы там резцов. Вот такая она еще молодая.

Так как она к тому же мертвая, она не стала бы возражать против ножа в деснах.

А Льюис наверняка знает, что она мертва. Он знает, потому что десять лет назад это он ее убил. Ее шкура до сих пор лежит в морозилке в гараже, Льюис хотел сшить из нее перчатки, если Пита когда-нибудь снова решит заняться дублированием кожи. Единственная реальная разница между гостиной и тем местом, где он видел эту вапиту десять лет назад, заключается в том, что тогда она лежала на снегу, забрызганном кровью. Теперь под ней бежевый, немного выцветший ковер.

Льюис наклоняется, чтобы посмотреть сквозь вентилятор под другим углом, увидеть ее заднюю половину, понять, есть ли там следы того первого выстрела, но потом останавливается и заставляет себя вернуться на то место, где стоял.

Ее желтый правый глаз... он раньше был открыт?

Когда глаз моргает, у Льюиса вырывается негромкий, совершенно произвольный крик, он отшатывается назад, отпускает перекладину лестницы, взмахивает руками, стремясь сохранить равновесие, и в эту секунду невесомости понимает, что момент настал: он уже израсходовал все бесплатные купоны на спасение от кладбища, и на этот раз он упадет, и угловой кирпич «домашнего очага», выступающий вперед больше, чем обычно, разmozжит ему затылок.

Лестница резко наклоняется в противоположную сторо-

ну, как будто не хочет участвовать в столь ужасном деле, и падение, с точки зрения Льюиса, длится невероятно медленно, ему кажется, что в голове щелкает фотоаппарат, который делает максимально возможное количество снимков на лету, и они могут сложиться в стопку под ним и остановить падение.

Но на одном из этих снимков рядом с выключателем и с пакетом продуктов в левой руке появляется Пита.

И так как Пита в колледже занималась прыжками с шестом, а в старших классах школы была чемпионом штата по тройным прыжкам, да и сейчас в свободное время занимается спринтом, потому что она — *Пита*, которая никогда в жизни не испытывала ни секунды нерешительности, то на следующем снимке она уже бросает пакет с продуктами, которые должны были стать обедом, и тенью проносится через гостиную, но не для того, чтобы подхватить Льюиса (все равно из этого ничего бы не вышло), а чтобы сильно толкнуть падающего мужчину плечом и спасти от верной смерти, к которой он летит.

От ее толчка с разбегу он врезается в стену с такой силой, что стекло в оконной раме задрожало и вентилятор под потолком затрясся на своем длинном стержне, а уже через секунду она стоит на коленях, проводит кончиками пальцев по лицу Льюиса, по его ключицам, а потом кричит, что он дурак, такой дурак, что она не может его потерять, ему надо быть осторожнее, ему надо начать думать о себе и научиться

принимать более разумные решения, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста.

Под конец она изо всех сил и очень больно колотит по его груди кулаками. Льюис прижимает ее к себе, она плачет, ее сердце бьется так сильно, и за нее, и за Льюиса.

Теперь на них обоих – Льюис едва ли не улыбается, увидев это, – с вентилятора сыплется тончайшая серо-коричневая пыль. Льюис, должно быть, задел его рукой, когда падал. Пыль похожа на пепел, на сахарную пудру, если бы сахарную пудру делали из содранной кожи человека. Она растворяется на губах Льюиса, исчезает на влаге его открытых глаз.

И рядом с ними в гостиной нет никакой самки вапити, хоть он и вытягивает шею и заглядывает через голову Питы, чтобы удостовериться.

Нет никакой самки вапити, потому что ее и не могло здесь быть, говорит он себе. Так далеко от Браунинга.

Во всем виновато его чувство вины, которое возвращается украдкой, когда он теряет бдительность.

– Эй, посмотри, – говорит он макушке светловолосой головы Питы.

Она медленно встает, поворачивается и смотрит туда, куда он показывает.

На потолок гостиной. На точечный светильник.

Он мигает желтым светом.

Суббота

На работе во время перерыва – в это время он должен обучать новенькую, Шейни, – Льюис звонит Кассу.

– Сколько лет, сколько зим, – говорит Касс. Этого певучего, чистого выговора обитателя резервации Льюис не слышал так давно, что даже не помнит, сколько прошло времени. Акцент Льюиса сгладился почти полностью в результате общения с одними белыми, но он снова возвращается, будто никогда не исчезал. Он ощущает его во рту, в ушах, как нечто незнакомое, и спрашивает себя, не подделывает ли он его нарочно.

– Пришлось звонить твоему отцу, чтобы узнать твой номер, – говорит он Кассу.

– Так бывает, когда уезжаешь на десять лет.

Льюис прикладывает трубку к другому уху.

– И что происходит? – спрашивает Касс. – Ты ведь звонишь не из тюрьмы? У тебя на почте, поди, наконец догадались, что ты индеец?

– Совершенно уверен, что они знают, – отвечает Льюис. – Это же первый пункт в анкете.

– Тогда это она, – говорит Касс, и слышно, что он ухмыляется. – Она наконец поняла, что ты индеец?

Когда он сбегал вместе с Питой, Касс, Гейб и Рикки посоветовали ему наколоть свой обратный адрес на предплечье,

чтобы его можно было доставить домой, когда ей надоест играть в доктора Куин и Краснокожего⁵.

– Тебе хочется, чтобы она догадалась, – отвечает Льюис Кассу в трубку и оглядывается, чтобы посмотреть, не стоит ли Шейни, его ежедневная тень, в дверях комнаты отдыха, вслушиваясь в их разговор. – Она даже разрешает развешивать мое индейское барахло на стенах.

– Как настоящая индейская жена, или потому что дом принадлежит индейцу? – спрашивает Касс.

– Я позвонил, чтобы задать тебе вопрос, – говорит Льюис, понижая голос.

Из всех троих, Гейба, Рикки и Касса, именно Кассу всегда проще всего было позвонить, чтобы поговорить о чем-то серьезном. Будто в нем настоящий, реальный и подлинный человек не был так глубоко погребен под позерством, шутками и бахвальством, как Рикки и Гейб.

Вот только до Рикки, уже мертвого, не дозвониться.

«Черт», – говорит про себя Льюис.

Он не вспоминал о Рикки уже девять лет. С тех пор, как услышал о нем.

В его мозгу проносится заголовок: «ИНДЕЕЦ НЕ ИМЕЕТ КОРНЕЙ, ОН СЧИТАЕТ СЕБЯ ИНДЕЙЦЕМ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ГОВОРIT КАК ИНДЕЕЦ».

---

⁵ «Доктор Куин, женщина-врач» – американский телесериал девяностых годов прошлого века, рассказывающий о белой женщине-враче, которая отправилась лечить индейцев.

Льюис глубоко вдыхает и прикрывает рукой микрофон, выдыхая, чтобы Касс не услышал его на расстоянии всех этих миль.

– Те вапити, – говорит он.

Касс молчит так долго, что Льюис уверен: Касс хорошо понимает, о чем он говорит. Потом Касс говорит:

– Да?

– Ты когда-нибудь... – начинает Льюис, все еще не зная, как спросить, несмотря на то что он прокручивал эти слова в голове всю прошлую ночь и всю дорогу до работы. – Ты когда-нибудь думаешь о них?

– Злит ли меня до сих пор эта история? – сразу же огрызается Касс. – Как думаешь, если я увижу горящего Дэнни на обочине дороги, я остановлюсь, чтобы плюнуть на него?

Дэнни Пиз, егерь.

– Он все еще работает? – спрашивает Льюис.

– Теперь он начальник, – отвечает Касс.

– И такой же упертый?

– Он сражается за Бэмби, – говорит Касс, будто это выражение все еще в ходу спустя столько-то лет. Так они обычно говорили об отряде егерей: каждый раз, когда человек находился в лесу, все егеря настораживали уши и открывали свои штрафные блокноты.

– Почему ты о нем спрашиваешь? – говорит Касс.

– Не о нем. Просто думаю, наверное. Десять лет прошло, годовщина, не знаю.

– Десять лет будет через две недели, кажется?

– Через пятнадцать дней, – отвечает Льюис, пожимая плечами, будто хочет сказать, что не собирался так точно высчитывать дни. – Это же была последняя пятница перед Днем благодарения?

– Да-да, – соглашается Касс. – Последний день сезона...

Льюис беззвучно морщится, крепко зажмуривает глаза. Это замечание Касс сделал нарочно, будто хотел напомнить Льюису, что это был не последний день сезона. Просто последний день, когда они могли собраться все вместе и поохотиться.

Но в каком-то смысле он также оказался последним днем их сезона.

Он трижды встряхивает головой, чтобы в ней прояснилось, и еще раз говорит себе, что никак не мог видеть молодую самку вапити на полу в своей гостиной.

Она мертва, ее нет.

Чтобы заплатить за нее, за день до отъезда с Питой, он достал все мясо вапити, упакованное в свертки, и пошел от одной двери к другой по Улице смертников⁶, раздавая его старейшинам. Потому что ее добыли на участке старейшин, который добрая страна выделила им возле Утиног озер, поэтому пусть они наполнят свои холодильники дичью из ле-

---

⁶ Death Row – камеры смертников, место в тюрьме, где содержатся заключенные, ожидающие казни. В данном контексте – улица в резервации, на которой живут старики племени.

са, а не продуктами из магазина, – потому что эта вапити пришла оттуда, и справедливо, по-индейски, замкнуть круг и самому принести ее мясо к ним прямо в дом. Неважно, что Льюис не смог найти наклеек для мяса и вынужден был воспользоваться наклейками младшей сестренки. Так что вместо наклеек «Стейк», или «Фарш», или «Для жарки» на упаковочной бумаге, в которую была завернута молодая вапити, стоял отпечаток лапы черного енота, единственная наклейка сестры, на которой не было цветочка, радуги или сердечка.

Но эта вапити никак не могла вынырнуть из тридцати горшков для рагу столько времени спустя и пройти сто двадцать миль на юг, чтобы являться Льюису. Во-первых, потому, что олени такого не делают, а во-вторых, потому, что в конце концов ее мясо попало туда, куда и должно было попасть, он не сделал ничего плохого. Почти ничего.

– Мне надо идти, приятель, – говорит он Кассу. – Босс зовет.

– Сегодня суббота, – возражает Касс.

– Ни дождь, ни снег, ни выходные, – отвечает Льюис и кладет трубку быстрее, чем собирался, после чего прижимает ее к рычагу целых полминуты, прежде чем снова снять.

Он набирает номер Гейба, который ему дал отец Касса. Точнее, это номер отца Гейба, но папаша Касса выглянул в окно и сказал, что видит там прямо сейчас грузовик Гейба.

– «Тако Типпи», – отвечает голос Гейба после второго гудка. Он так всегда отвечает, где бы ни находился, у любого

телефона. В резервации никогда не было заведения с таким названием, насколько известно Льюису.

– Два с олениной, – отвечает Льюис.

– А, индейские тако... – подыгрывает ему Гейб.

– И два пива, – прибавляет Льюис.

– Ты, должно быть, навахо, – быстро отвечает Гейб, – может, ты не из брюха рыбы⁷. Если бы ты был из черноногих, ты бы заказал к ним шесть бутылок.

– Я знал одного навахо, который мог мигом их выхлестать, – говорит Льюис, нарушая привычный обмен репликами, ломая порядок. Секунд пять Гейб молчит, потом спрашивает:

– Лью-пес?

– Первая попытка, – отвечает Льюис, заливаясь румянцем оттого, что его узнали.

– Ты в тюрьме? – спрашивает Гейб.

– Все такой же хохмач, – говорит ему Льюис.

– Среди всего прочего, – отвечает Гейб, а потом обращается, наверное, к отцу: – Это Льюис, помнишь его, старик?

Ответа Льюис не слышит, зато слышит репортаж баскетбольного матча, включенный на полную громкость, на весь дом.

---

⁷ В мифах североамериканских индейцев племени черноногих о герое Кут'о'нисе, или «Сгустке Крови», есть рассказ о том, как его проглотила рыба. Оказавшись в ее брюхе, он увидел там много людей. Кут'о'нис придумал, как убить эту рыбу и вывести из нее людей. Там были индейцы из разных племен, но навахо среди них не было.

– Так в чем дело? – спрашивает Гейб, возвращаясь к разговору. – Тебе нужно денег на автобус до дома? В таком случае могу договориться с кем-нибудь, кто туда едет. Я в данный момент не при деньгах.

– Все еще охотишься?

– Это попадает в категорию «всего прочего»?

Разумеется, он все еще охотится. Дэнни пришлось бы трудиться круглые сутки без выходных, чтобы записать хотя бы половину дичи, добытой Гейбом в браконьерских вылазках за одну неделю, а рейнджерам в Глейшере пришлось бы трудиться еще больше, чтобы обнаружить его следы, пересекающие туда и обратно границу заповедника, причем обратные следы бывают на пару сотен фунтов глубже, чем ведущие туда.

– Как Денора? – интересуется Льюис, потому что с этого надо начинать после такого долгого перерыва.

Деноре – дочери Гейба от Трины, Трины Триго, должно быть уже лет двенадцать или тринадцать – во всяком случае, она уже умела ходить, когда Льюис уехал, это он точно помнил.

– Ты имеешь в виду мою девочку-финалистку? – спрашивает Гейб, кажется, он наконец-то полностью включился в их разговор.

– Кого? – все равно переспрашивает Льюис.

– Помнишь белого парня Кёртиса из Хавра⁸? – спрашивает

---

⁸ Очевидно, имеется в виду Хавр-де-Грас, город в штате Мэриленд, в устье

ет Гейб.

Льюис не может вспомнить фамилию белого парня – какая-то немецкая? – но да, он его помнит: Кёртис, баскетболист-любитель, этот от природы одаренный паренек с фермы, рожденный для баскетбола. Он все видел не глазами, он *чувствовал* игру подошвами ног, и ему даже не надо было думать, чтобы знать, в какую сторону вести мяч. И этот мяч на сто процентов был словно привязан к нему на веревочке. Единственное, что заставляло его ходить в колледж, был его рост и то, что он упорно считал себя мощным форвардом, а не просто игроком, умеющим метко попадать в корзину. В старших классах школы, конечно, игрок ростом чуть выше ста восьмидесяти восьми сантиметров мог выбиться в лидеры, стать мощным форвардом. Он умел иногда здорово прыгать, мог взлететь, а мог и прыгнуть неудачно – только в предварительных играх, на договорных матчах, но все же. В конце концов, он не был сложен как Карл Мэлоун, скорее как Джон Стоктон⁹. Просто не мог с этим смириться, считал, что способен подняться в команде выше, пробить себе дорогу среди высоких игроков, не быть шариком в пинболе, который от них отскакивает. Упорно изображая такого мощного форварда, он лишился стольких зубов, что стал похож на хоккеиста, как слышал Льюис. А сотрясения мозга не шли на

реки Саскуэханна.

⁹ Карл Мэлоун и Джон Стоктон – знаменитые американские баскетболисты-профессионалы прошлого века.

пользу его кратковременной памяти. Для остатка его жизни было бы лучше, чтобы он никогда не воображал, будто умеет играть.

И все-таки?

– Он отлично бросал мяч в прыжке, – говорит Льюис и снова видит, как белый парень Кёртис зависает надолго в прыжке, ожидает, пока все остальные опустятся на землю, и только потом идеально кладет мяч в корзину, его взгляд, как луч лазера, ведет его все выше и выше и, наконец, – в корзину.

– Денора тоже такая, – шепчет Гейб, как будто это самая большая тайна. – Только *лучше*, парень. Серьезно. Браунинг никогда не видел такой, как она.

– Я должен приехать и посмотреть, как она играет, – говорит Льюис.

– Должен, – соглашается Гейб. – Только не говори Трине, что я тебя позвал. Может, даже не надо с ней разговаривать. А если она посмотрит на тебя? Она может остричь твои волосы, сменить тебе имя, наброситься на тебя.

– Она до сих пор жаждет крови?

– Эта женщина злопамятна, – говорит Гейб. – Этого у нее не отнимешь.

– Без всякой причины, конечно, – отвечает Льюис, возвращаясь к обычным репликам.

– Итак, по какому делу вы мне звоните, чему я обязан такой честью, мистер Почтальон? – спрашивает Гейб притвор-

но официальным тоном. – Выкладывай, приятель.

В горле у Льюиса возникает комок. Он запрокидывает назад голову, закрывает глаза.

– Я просто вспоминал, как Дэнни...

– Постоянно нас доставал? – перебивает Гейб. – Да, я тоже вспоминаю пару таких случаев...

– Ты когда-нибудь возвращался туда, к Утиному озеру? – спрашивает Льюис.

– Туда тебе придется взять с собой ветерана, – говорит Гейб. – Ты же понимаешь, приятель. Как давно ты уехал, напомни?

– Я говорю о том месте, где это произошло, – объясняет Льюис. – Про обрыв.

– То место, то место, да, – слова Гейба словно забивают гвоздь в сердце Льюиса. – Оно заколдованное, парень, разве ты не знаешь? Держу пари, о нем даже вапити рассказывают сказки у своих костров. О том, что случилось в тот день. Черт, мы для них стали легендой, парень. Четверо безжалостных убийц – духов Утинового озера.

– Трое, – поправляет Льюис. – Трое духов-убийц.

– Они этого не знают, – возражает Гейб.

– Но ты правда думаешь, что они об этом помнят? – спрашивает Льюис, наконец-то выкладывая все, что у него на уме.

– *Помнят?* – переспрашивает Гейб, в его голосе точно слышится улыбка. – Они же чертовы олени, парень. Они не

разводят костров.

– И мы в любом случае всех их убили, да? – говорит Льюис, моргая, чтобы смахнуть с глаз пот, и еще раз оглядывается, нет ли рядом Шейни.

– О чем это ты? – спрашивает тут Гейб. – Ты что, все еще хочешь найти тот паршивый нож?

Льюис с трудом вспоминает, о чем говорит Гейб: о том ноже, купленном им в фактории, с тремя или четырьмя сменными лезвиями, одно из которых представляло собой маленькую пилу для грудины и таза.

– Тот нож был дерьмовым, – отвечает Льюис. – Если найдешь его, быстро потеряй снова, договорились?

– Сделаю, – соглашается Гейб, его голос на секунду удаляется от трубки, и в нее с другого конца линии вливаются звуки баскетбольного матча. – Слушай, мы тут смотрим...

– Мне тоже надо идти, – говорит Льюис. – Хотя я рад снова слышать твой голос, тупая ты задница.

– Черт, мне следует выставить тебе поминутный счет за разговор, – отвечает Гейб, и секунд через десять или двадцать линия снова глохнет, а Льюис стоит, прижавшись плечом к стене, и постукивает трубкой себя по лбу, как барабанной палочкой.

– Мне следует записывать, черноногий? – спрашивает стоящая в дверях Шейни.

Льюис вешает трубку.

Шейни из племени кроу¹⁰, поэтому обращение «черноногий» – ее постоянная шутка, ведь их племена когда-то давно были врагами.

– Пита кое-что сказала вчера вечером, – лжет Льюис, он всегда старается напомнить Шейни о жене, а потом сказать о ней еще что-то, просто для верности. Не потому, что он дамский угодник из почтовой службы – там таких нет, – но потому, что они с Шейни единственные индейцы на этой станции, и в последнюю неделю, с тех пор как Шейни прошла проверку и была принята на работу, все делали то, что обычно делают с креслами и журнальными столиками, когда они хорошо подходят друг другу: старались задвинуть их вдвоем в угол и оставить там, создать идеальный набор мебели.

– И что *твоя жена* сказала? – спрашивает Шейни, когда Льюис проскальзывает мимо нее, уводя их к большой сортировочной машине. И включает ее, чтобы продолжить урок.

– У нас в гостиной сломалась лампочка, – объясняет он ей. – Она не зажигается, когда должна включиться. Жена думает, что в стене короткое замыкание. Вызвал одного знакомого парня, который подрабатывает электриком на стороне.

– На стороне... – повторяет Шейни и вставляет в сортировочную машину конверт неправильным концом. Льюис следит глазами за быстро движущимся в брюхо этого зверя почтовым отправлением и удивленно качает головой, когда конверт не застревает и не сминается.

---

¹⁰ Кроу, «вороны» – племя североамериканских индейцев.

Шейни лукаво улыбается и прикусывает нижнюю губу.

– В следующий раз, – говорит она и легонько толкает бедром Льюиса.

Он не толкает ее в ответ, потому что он сейчас где-то далеко, на расстоянии многих миль и лет отсюда.

Понедельник

Когда Льюис пятится назад, отталкиваясь ногами на своем раскуроченном двухцилиндровом «Роуд Кинге», и уже готов рвануть вперед, он замечает Джерри на самом краю автостоянки у почтового отделения, который опускает правую руку вдоль заднего колеса своего кастом-«спрингера» и шевелит указательным и средним пальцем, показывая перевернутый знак «мир», а потом быстро сжимает пальцы в крепкий кулак. Льюис понятия не имеет, что это значит: он никогда не ездил с настоящей бандой, как Джерри, который в молодости играл в «Беспечного игрока»¹¹, но это должно означать что-то вроде «Сюда», или «Все чисто», или «Обгони, если догонишь», потому что вслед за ним газуют Элдон и Сайлас, а Льюис, как всегда, смотрит им вслед, хотя они направляются в сторону нового дома Льюиса, до которого по шоссе номер 13 добираться чертовски далеко.

Однако неофициальную иерархию никто не отменял, и, несмотря на то что Льюис уже пятый год таскает почту, он все еще считается новичком. А раз он крайний, то, когда Шейни выбегает из боковой двери, она в последний момент запрыгивает именно на заднее сиденье мотоцикла Льюиса.

Ее руки цепко обхватывают его бедра, а грудь довольно

---

¹¹ Фильм 1969 года о двух мотоциклистах, путешествующих «в поисках Америки».

плотно прижимается к его спине.

– Привет? – удивляется он, сбрасывая газ и виляя передним колесом.

– Я тоже хочу увидеть, – говорит она, встряхивает головой и распускает волосы.

Отличное зрелище ждет Питу по возвращении домой.

И все же Льюис включает следующую скорость и занимает последнее место в цепочке, ему даже приходится прибавить скорость, чтобы не отставать.

Все они едут к нему домой потому, что Харли почти в десятилетнем возрасте повадился перепрыгивать через забор высотой в шесть футов как молодой пес, и Элдон заявил, что поверит в это только тогда, когда увидит собственными глазами. Ладно, они увидят. Они все увидят, в том числе теперь и Шейни.

Третьим едет Сайлас на своем дребезжащем «Скрэмблере», который плох на малых скоростях, зато на семидесяти пяти на нем вполне весело, если любишь играть со смертью. Элдон наступает Джерри на пятки на раздолбанном «Боббере». Джерри ездит на такой развалюхе только потому, что живет рядом с почтой и в плохую погоду ходит на работу пешком, так что ему не нужно иметь грузовик или легковушку и платить за нее страховку. К тому же из всех четверых он единственный не женат, что наверняка позволяет экономить немного денег. Джерри, однако, сам твердит, что это произойдет в скором времени: «Рано или поздно повалят

и меня, хо-хо-хо!» Джерри, самый старший из них, в свои пятьдесят три года был обладателем седых, пышных, лихо загнутых усов, веснушчатой лысины, неопрятного хвостика на затылке и ледяных голубых глаз.

Сайлас почти всегда молчит, и в нем, возможно, течет какая-то доля индейской крови. Она проявляется не так сильно, чтобы Сайласа нарекли «Вождем» прежде, чем этот титул перешел Льюису, но... наверное, он настолько же индеец, как и Элвис. Может, его индейской крови и наскребется на пару синих замшевых туфель. Эддон утверждает, что он и грек, и итальянец, может, это шутка, которую Льюис не совсем понимает.

Джерри не претендует ни на что, кроме постоянной потребности в пиве.

Хорошо, что он нашел их после того, как потерял Гейба, Касса и Рикки.

Ну, после того как он от них уехал.

Об этом нет никаких газетных заголовков. Просто все та же старая новость.

Все водители, которые застряли в вечерней пробке, вытягивают шеи, чтобы чуть подольше поглазеть на Шейни. Скорее всего, ее фланелевая рубаша с пуговицами выбилась из юбки и развевается на ветру, грозя совсем слететь.

Чудесно.

Превосходно.

Льюис понимает, что ему не следовало рассказывать о

Харли. Было бы лучше просто вернуться домой одному, может, бросить несколько лопат гравия на подъездную дорожку до возвращения Питы. Но... Харли же. Он не просто не молод, а чертовски стар для пса его размеров, его дважды сбивали на дороге, один раз даже мусоровоз, а однажды в него стреляли и попали в бедро. И это только то, о чем известно Льюису. Еще были и укусы змей, и дикобразы, и мальчишки с дробовиками, и обычные собачьи драки, в которые ввязывается любой пес.

Харли никак не удалось бы перепрыгнуть через этот забор. Да и зачем ему это делать? И все же Льюис видел его на дороге уже четыре раза, и два раза находила Пита.

Да он точно перепрыгивал, и, может, даже карабкался, чтобы перебраться через ограду.

И Льюису не следовало никому об этом говорить.

Только вот?..

Он все время думал о молодой самке вапити, которая никак не могла оказаться на полу в его гостиной, и поэтому, услышав лай Харли во дворе, Льюис в конце концов понял, как ему показалось, связь между этими событиями. Мог ли Харли лаять на вапити? Мог ли он видеть ее *вне* вращающегося вентилятора? Может, она все время была там, все эти десять лет?

Что еще хуже, если Харли мог ее унюхать, не из-за нее ли он перепрыгивал через ограду? Может, дело было не в текущих сучках за забором или в чем-то другом. Может, он

хотел обратиться подальше от этого дома.

И неважно, что они арендовали дом на целый год и потеряют гарантийный залог, если съедут... исчезнут.

– Держись, – говорит Льюис сидящей сзади Шейни и включает полную мощность, чтобы перепрыгнуть через речку и на мгновение испытать невесомость, перелетая через железнодорожные пути на другом берегу. Ему удастся избежать встряски, от которой у него на каждом рельсе стучат зубы, сначала на одном, потом на втором.

Шейни издает вопль от восторга, а Льюис сбрасывает скорость и медленно сворачивает на Шестую улицу, проезжает по ней до Четвертой, а потом по прямому отрезку Американской авеню. Теперь он вырвался вперед, потому что никто из парней еще не бывал в его новом доме. Сделав три быстрых поворота, может, даже чересчур быстрых, наверное чтобы испытать Шейни, он останавливается у своего дома.

– Приехали, – говорит Льюис во внезапно наступившей после рева мотоциклов тишине.

Джерри, Элдон и Льюис соскочили со своих байков, но Льюис решил подождать Шейни.

– Блеск. – Она одновременно упирается ладонями в его спину и спрыгивает с сиденья, и Льюис был бы рад, если бы воспоминание об этом ее прыжке не преследовало его до конца недели.

– Где же этот замечательный летающий пес? – хриплым голосом спрашивает Джерри.

– Тебе скоро на боковую, дедуля? – спрашивает Элдон, он стоит далеко, Джерри до него не дотянется, но на всякий случай он принимает боксерскую стойку и пританцовывает.

Сайлас с ухмылкой осматривает фасад дома, его взгляд, как кажется Льюису, останавливается на высоком окне без занавесок. Он тоже смотрит на него. Это как раз окно их спальни.

– Ну, почтальон? – снова говорит Джерри.

Льюис уверен, что он всех так называет. Наверное, потому, что имена уже начали ускользать из его памяти.

Льюис набирает код на замке гаража, демонстративно вытирает туфли о коврик у двери и приглашает всех на выступление «известного на весь мир прыгающего пса».

– Он только начал это делать, – говорит он, как заправский туристический гид, пятясь спиной вперед. – Я всегда подозревал, что в нем есть немного волчьей крови, и еще крови ездовой собаки и бойцового питбуля. А теперь я еще грешу и на кенгуру.

– Снежный кенгуру, – вставляет Джерри, и на его дубленой коже вокруг глаз появляются морщинки.

Сайлас хихикает, проводит кончиками пальцев по крышке стола, а потом смотрит на них, будто проверяет их на чистоту.

– Псу нужно то, что лежит по другую сторону забора, вот для чего он учится прыгать, – высказывается Шейни.

Джерри что-то произносит сквозь усы, но никто его слов

не слышит, и каждый раз, когда Льюис просит его повторить, Джерри просто отмахивается.

– Где маленькая леди? – спрашивает Элдон, хлопая большой ладонью по спинке дивана.

– Делает большие бабки, – отвечает Льюис и жестами изображает ярко-оранжевые жезлы, при помощи которых Пита паркует самолеты, и одновременно направляет свою маленькую туристическую группу направо от себя.

– В Грейт-Фолз нет никаких больших бабок... – начинает Элдон, но не заканчивает, вдруг заметив, что на спинке стула сохнет кружевное нижнее белье Питы.

– Поворачивай, поворачивай, – велит ему Льюис, с улыбкой взмахивая своими воображаемыми жезлами.

Шейни, проходя мимо белоснежного бюстгальтера, все-таки тихо бросает Льюису: «Красивое».

Хорошо, что в этот момент Сайлас берет с кухонного стола блок с передней фарой «Роуд Кинга» и поднимает его, чтобы заглянуть внутрь.

– Все еще ищешь седельные сумки? – спрашивает он.

– У тебя есть? – отвечает вопросом Льюис и поднимает щеколду на раздвижной двери. – Какого цвета?

– А все остальное у тебя хорошо сочетается по цвету? – встречает Элдон.

– Нарушение, нарушение, – кричит Льюис и машет на него жезлами, потому что он сейчас явный рефери.

Нет, не все части его мотоцикла пока подобраны по цвету.

Но все будет. Он превратит его из скелета на колесах, каким он выглядит сейчас, в настоящий мотоцикл, каким Льюис его себе представляет. На седельных сумках настаивает Пита, так как при заносах они принимают на себя удар асфальта и защищают ноги и бедра. Льюис пытался объяснить ей, что это необходимо только для тех мотоциклистов, которые падают на бок, но заработал лишь гневный взгляд и никакого намека на улыбку.

— А что, вид драндулета Сайласа наводит на мысль, что у него дома валяются запчасти всех цветов? — через плечо бросает Джерри. — И он просто всем раздает лишние детали?

Мотоцикл Сайласа как раз сейчас в процессе преобразования и напоминает нечто среднее между гоночным великом и рисунком двенадцатилетнего мальчишки, на котором тот попытался изобразить мотоцикл своей мечты, но Сайлас только улыбается и пожимает плечами, потому что так оно и есть.

Льюис вынимает отпиленный от ручки швабры кусок, мешающий открыть раздвижную дверь, картинно раздвигает створки и открывает взглядам этих неверующих задний двор, пропустив их вперед, чтобы они убедились, что тут нет никакого обмана.

Он знает, что Харли должен быть там, а не гонять по соседским дворам, потому что перед отъездом на работу он привязал цепь Харли к ржавой упаковочной проволоке, заменяющей бельевую веревку, как делал каждое утро. Когда

он видел пса в последний раз, тот бегал по двору взад и вперед. У него была миска с водой, место в тени, немного травы и бестолковое выражение на морде – все, что могло понадобиться псу. Бельевая веревка – это временное решение, но сгодится, пока Льюис найдет немного колючей проволоки, чтобы нарастить верхнюю часть забора.

– Может, он прыгун с шестом, как его мамочка, – кричит ему Элдон с настила веранды из неровных досок.

Льюис хвастался Питой перед ними, а Джерри и Сайлас даже пару раз встречались с ней, когда шли дожди и ей приходилось заезжать за ним на грузовике.

– Или цирковой фокусник, умеющий освобождаться от пут, – прибавляет Сайлас.

Льюис выходит во двор вслед за ними, оглядывает натянутую между ржавыми столбами бельевую проволоку, и понимает, что они правы: Харли нет. Как нет и проволоки между столбами, на которую вешают мокрое белье.

– Я убью этого пса, – говорит он и проходит дальше, чтобы убедиться, что Харли не стоит там, наблюдая за домом, и в этот момент Шейни, подошедшая к другому углу дома, возражает:

– Кажется, ты с этим немного опоздал, черноногий.

Она вытягивает губы, показывая Льюису, куда смотреть, и так как она явно не шутит, его горло сжимается от предчувствия беды и раскаяния.

Харли свисает на цепи с верха ограды, его глаза открыты,

но ничего не видят, забор испещрен царапинами и бороздами от когтей, потому что он, очевидно, долго задышался, пока не умер.

– Дерьмо, – произносит Джерри.

Харли Льюису подарила Пита девять лет назад. Одна из двух собак ее тетки оценилась, отец щенков, предположительно, был настоящим боевым псом, а Льюис уже рассказывал ей о своей последней хорошей собаке в резервации, когда он был еще мальчишкой. Лошадь на параде лягнула его пса в голову, пока Льюис подбирал с земли конфеты вместе с остальными детьми. Поэтому Харли... был замечательным псом, он почти позволил ему почувствовать себя в Грей-Фолз как дома в тот первый год. Они вместе в него вращались. А теперь он мертвый висит на цепи, к которой привязал его Льюис.

– Сочувствую, приятель, – говорит Элдон, разглядывая свои дорогие сапоги, которые всегда надевает для поездки на мотоцикле.

– Похоже, ему почти удалось перепрыгнуть, – говорит Шейни от лица всех его гостей, она хочет сказать, что они верят рассказу Льюиса о том, как у Харли к концу жизни выросли пружины в лапах.

– Глупый пес, – только и получается выдохнуть Льюису, потому что он не доверяет своему голосу, готовому сломаться на кусочки.

А потом задняя нога Харли дернулась один раз, почему-то

напоминая о том, как моргнули глаза вапити на полу гостиной. Той самки вапити, которая не была ни мертвой, ни *живой* на полу в гостиной Льюиса – которой там вообще не было.

Льюис реагирует на то, что Харли вроде как жив, неправильно, он не гордится такой реакцией: он втягивает воздух и делает шаг назад, чуть не упав на задницу.

Из них пятерых именно Сайлас первым бросается вперед и обхватывает Харли, приподнимая его, чтобы петля не давила на шею. Джерри тянет вверх свою мясистую лапу и освобождает цепь, застрявшую между двумя штакетинами забора, а Шейни уже стаскивает окровавленный ошейник через голову Харли, стараясь не повредить уши.

Сайлас поворачивается, прижимая к себе Харли, а Льюис, оторвав на мгновение от них взгляд, смотрит на Шейни. Она вроде бы хочет подойти и взять Харли на руки, но внезапно отскакивает назад, испугавшись обрушившейся на них лавины звука.

Элдон хватает за плечо Льюиса, словно хочет оттащить его в сторону, или сам хочет от него оттолкнуться, и даже Джерри, похожий на моржа, поднимает глаза быстрее, чем обычно.

Весь задний двор сотрясается, стремительно, громко и опасно, их всех разом оглушило, и Льюис совершенно уверен, что если бы тут стоял спринклер, распыляющий вокруг себя радужный веер из воды, то эта переливающаяся стена

света исчезла бы и превратилась в туман.

Это поезд, который проходит через их поселок дважды в день, Пита его называет «Грозovým экспрессом». Именно благодаря ему они с Льюисом могут позволить себе снимать дом с такими высокими потолками. И именно из-за него Харли нельзя выпускать за пределы заднего двора.

Льюис поднимает взгляд на несущиеся мимо уголь и граффити, но перед глазами проплывает завтрашний газетный заголовок: **«МЕСТНЫЙ ЖИТЕЛЬ ДАЖЕ НЕ МОЖЕТ ДОТРОНУТЬСЯ ДО СОБСТВЕННОГО УМИРАЮЩЕГО ПСА».**

Иногда заголовки не врут. И на этот раз заметку на странице 12 сопровождает нечеткий черно-белый снимок, который машинально делает мозг Льюиса, потому что в данный момент он не может справиться с реальностью, когда поезд со скрежетом проносится мимо, пробивая необходимую ему дыру в окружающем мире: пасть Харли широко открывается, зубы сверкают, и он впивается зубами в того, кого считает причиной своей боли.

Сайлас отдергивает лицо как раз в мгновение укуса, именно в тот момент, когда зубы Харли вонзаются в кожу на его щеке, но от этого становится только хуже.

Вторник

Льюис использует маленькие, короткие обрывки клейкой ленты, чтобы выложить контуры некоего мертвого животного на ковре в гостиной. Для того чтобы доказать, что этого быть не могло, что оно даже не могло тут поместиться. Во всяком случае, так он пытается себя убедить.

Он отодвинул назад диван, а старый столик бабушки Питы сместил в другую сторону. Члены семьи Питы не принадлежат к потомственной богатой аристократии Грейт-Фолз – а такая вообще существует? – но так или иначе они жили здесь примерно с тех пор, когда здесь разместили первую резервацию.

Пита сейчас в гараже с Харли, у гнезда из спальных мешков и одеял, которое она соорудила для него, когда пришла домой со стихийной парковки, расположенной через две улицы от дома, и обнаружила Льюиса, Шейни и Элдона на заднем крыльце, которые по капле вливали воду в пасть Харли. Джерри повез Сайласа в больницу на грузовике, обмотав его лицо полотенцами.

Джерри вывел грузовик потихоньку, одной рукой крутил баранку, а другой придерживал Сайласа, чтобы сидел прямо. Когда они уехали, Элдон сказал: а ведь логично, что собака вцепилась в почтальона, правда?

Правда.

По мнению Питы, которая почти все детство нянчила собак, кошек и птенцов, Харли еще может выжить, но, возможно, и умрет. Сайласу такая опасность не грозила, однако перед тем как он уехал, Льюис видел его желтоватые зубы сквозь разорванную кожу щеки.

Джерри попросил Льюиса не винить в этом Харли. Пес не понимал, что делает. Когда весь мир причиняет боль, ты кусаешь его в ответ.

Из спальников и одеял в гнезде Харли Льюис собирался соорудить потельню на заднем дворе, но черт с ней. Может, он ее еще построит. Может, в следующем году, укутанный в жар, мрак и пар, Льюис зачерпнет воды из ведра и выплеснет немного на землю для Харли. В память о нем... и все такое.

Наверняка собак можно поминать так же, как и людей. А если нет, какой-нибудь старый вождь сойдет с неба и ударит его по руке.

Льюис отрывает еще один прямоугольник от липкой ленты, подлиннее, приклеивает его к ковру перед диваном, потом отклеивает и снова приклеивает, стараясь поточнее изобразить плавный переход от брюха к передней части задней ноги. Беда в том, что эти переклеенные части ленты через несколько минут начинают скручиваться, нарушая те очертания, которые Льюис пытается им придать.

Заднее копыто как раз начинает вырисовываться, когда Пита возвращается с кухонным полотенцем на плече и бутылкой козьего молока в руке. На долю секунды она выгля-

дит мамой, утомленной младенцем в подгузнике, который едва научился ходить на подгибающихся ножках. Но этому не бывать, напоминает себе Льюис. Она не хочет детей, была против них даже в те первые недели в Восточном Глейшере. Не потому, что Льюис индеец, а потому, что до Льюиса Пита приняла уйму разных вредных химических веществ, за что придется заплатить любому ее малышу, и с самого начала жизни ему придется за нее сражаться.

В голове у Льюиса автоматически выскакивает заголовок, прямо из резервации: не «БЕЛАЯ КРОВЬ РАЗБАВИТ ИНДЕЙСКУЮ», на что он всегда надеялся, если женится на белой женщине, и к чему он себя готовил, на всякий случай – кто знает? – но «БЕЛАЯ КРОВЬ ПРЕДАЕТ ВСЕХ ИНДЕЙЦЕВ». Дело в том, как он поступал с древними туземными водоплавающими (вероятно, они были похожи на микроскопических лососей), несмотря на то что черноногие – лошадиное племя. Он виноват в том, что охотился на этих рыб, но он никогда не гнал их вниз по течению, и поэтому некоторые из его предков выжили после всех набегов, эпидемий чумы, резни, геноцида и диабета, и спаслись от езды на автомобилях со спущенными шинами, которые прикончили множество американцев; может быть, они поэтому и выстояли против этого большого пулемета Гатлинга¹² истории?

– Как он? – спрашивает Льюис, кивая в сторону гаража.

– Думаю, это помогает, – отвечает Пита, поднимая бутылку.

---

¹² Первый американский пулемет, предшественник «максима».

лочку с козьим молоком.

По мнению одного из носильщиков багажа в аэропорту, козьим молоком можно вернуть к жизни щенка, подхватившего энтеровирус. У Харли совсем другая беда, но если козье молоко может сохранить жизнь щенку, у которого разжижаются кишки, тогда оно наверняка может как-то помочь псу, который большую часть вчерашнего дня умирал, а потом очнулся.

Такой исход не менее вероятен, чем все остальные.

Однако рано или поздно, и Льюису эта мысль была ненавистна, в какой-то момент, и очень скоро, дело дойдет до старого отцовского ружья и до последней прогулки Харли, или его выноса, или чего-то в этом роде.

Совсем не потому, что Харли был плохим псом, а потому, что он был самым лучшим псом.

Льюис использует то же самое ружье, что и десять лет назад. Если потребуется, он поедет в резервацию и возьмет его у Касса, потому что именно из этого ружья он убил ту молодую самку. Вапити, которую он пытается изобразить на ковре при помощи сотни обрывков липкой ленты.

– Нужна помощь? – говорит Пита, имея в виду его маленький проект.

Любой другой человек, любая другая жена глупого мужа, который пытается спрятаться от своего умирающего пса, выкладывая силуэт вапити на полу гостиной липкой лентой, велела бы прекратить мусорить в доме, перестать зря расходо-

вать ленту и немедленно убрать все, что он натворил.

Пита пробирается к Льюису, садится рядом, берет рулон липкой ленты, отрывает полоски и держит их на кончиках пальцев, ожидая, когда он их у нее возьмет.

Она выдвинула теорию о том, что он тогда видел: если направить свет на спицы велосипеда, они создадут картинку на скорости и сохраняют это расплывчатое, светящееся изображение, и так же, наверное, возник произвольный узор из светлой и темной пыли на обратной стороне лопастей вентилятора. Во время вращения лопастей из нее образовалось нечто вроде сгустка, и Льюис просто увидел в нем то, что ему подсказало чувство вины, – молодую самку вапити.

Только он не все рассказал ей о той самке.

Она вегетарианка, и не по причине слабого здоровья, а по этическим соображениям. Теперь по вечерам и он чаще всего ест картошку, или тофу, или бобы. И это прекрасно. Каждому индейцу средних лет необходима именно такая диета. Поэтому Пита наверняка выслушала бы всю его историю, издавала бы нужные звуки, смотрела бы на него так, будто все понимает, но ей было бы больно слушать его рассказ, и ей пришлось бы пойти к школе и нарезать круги по беговой дорожке, чтобы убежать от этой истории. Лучше не рассказывать ей все до конца, не обременять ее и не оставлять шрамов на ее памяти. Да и кто знает? Возможно, выслушав его, она просто встанет и уйдет, и больше не вернется.

Двадцать минут спустя, или через час, Льюис более или

менее точно выложил очертания самки вапити... скорее менее, чем более.

Он встает, чтобы посмотреть на нее сверху, и он понятия не имеет, как его далекие предки делали это в прошлом. Те лошади, которых они рисовали на балках или боковых стенах хижин, не были анатомически точными – как и эта вапити – но они свидетельствовали о близком знакомстве с их фигурами, их очертаниями, а эта самка из липкой ленты получилась совсем непохожей. Скорее можно подумать, что кто-то рассказал Льюису о вапити, а он сам никогда не видел настоящего оленя в реальной жизни.

Пита прижимает ладонь ко рту, чтобы сдержать смех, и Льюис тоже вынужден улыбнуться.

– Выглядит так, будто пятилетний ребенок пытался обвести по контуру гигантскую овцу, – говорит он. – Пока приканчивал третью бутылку пива с утра.

Пита падает на отодвинутый в сторону диван, поджигает под себя ноги и прибавляет:

– А овца при этом лягалась, стараясь вырваться.

– Овцы ничего не понимают в искусстве, – говорит Льюис и падает на диван рядом с ней.

Из этого положения он, разумеется, в конце концов смотрит сквозь вентилятор снизу, а потом на точечный светильник, который опять не горит. Это загадка, которую ему никогда не отгадать, он с этим уже смирился. Некоторые осветительные приборы понять невозможно, нечего и пытаться.

– Так что дальше? – спрашивает Пита.

Секунд тридцать Льюис не отвечает, потом наконец про-
износит:

– Это глупо.

– Что? – спрашивает Пита. – А не глупо было взбираться по шаткой лестнице в середине дня, когда ты был один, рискуя разбить голову?

Она права.

Остановившись поприветствовать Харли и сказать ему, что Элдон работает вместо его хозяина в утреннюю смену, Льюис снова тащит в гостиную высокую алюминиевую лестницу от торца дома.

– Она стояла здесь, – говорит Пита и ставит лестницу почти прямо под вентилятором.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Льюис.

Она поворачивается в другую сторону, широко расставляет ноги и наклоняет лестницу так, что красная верхушка из пластика точно совпадает с вмятиной в стене на противоположной стороне гостиной.

– Ох, – говорит Льюис. – Как ты думаешь, нам вернут залог?

– Ты переоцениваешь важность гарантийных залогов, – отвечает Пита совсем как настоящая индианка.

– погоди, – говорит ей Льюис и идет в гараж, потом возвращается обратно с мешком для мусора из морозильника. Этот мешок сменил вместе с ними шесть арендованных до-

мов и один так и не отремонтированный до конца подвал.

Возможно, от него будет плохо пахнуть. А может, и нет.

– Он до сих пор у нас? – удивляется Пита.

Льюис пытается открыть мешок, но это больше похоже на попытку развернуть тамале¹³ из пластика, такой мешок старый. И у него щемит сердце, так как внутри лежит шкура, которую он обещал той молодой вапити когда-нибудь использовать, чтобы все, что она вытерпела, не было напрасным.

Он рассказывал Пите, что тогда шел густой снег, а она была похожа на взрослую самку, а не на подростка. Что он бы никогда не нажал на курок, если бы хорошо ее рассмотрел.

Не совсем ложь. Просто не вся правда.

Льюис отбрасывает воспоминание и возвращается к тому, что сейчас делает: воссоздает место преступления? Нет. Скорее воспроизводит тот несчастный случай. На этот раз с помощью реквизита.

– Она еще?.. – спрашивает Пита, глядя на плотный узел из скатанной шкуры оленихи, все еще покрытой шерстью.

Льюис пожимает плечами, он не знает, целая она одним куском или же начала крошиться. В ней много надрезов и дыр, потому что, во-первых, он не мастер свежевать животных, а во-вторых – тот купленный в фактории нож, которым он тогда работал, затупился минуты через три.

Следует ли дать шкуре оттаять перед тем, как ее развора-

---

¹³ Мексиканская лепешка из кукурузной муки с мясным фаршем, завернутая в кукурузные листья.

чивать? Сгодится ли для этого микроволновка? И сможет ли он потом есть разогретые в ней продукты?

– Я просто... – произносит он и торжественно кладет шкуру в середину фигуры из упаковочной ленты. Она похожа на толстый, волосатый буррито, и Льюису приходится сосредоточиться, чтобы удержаться от кашля, потому что кашель может вызвать у него рвоту, а ему не хочется оскорбить ее память.

– Вероятно, этого достаточно, – говорит Пита, откидываясь на спинку и обводя взглядом шкуру, ленту, всю эту сцену.

– Ну, тогда... – Льюис ставит одну ногу на нижнюю перекладину лестницы и берется одной рукой за другую перекладину, выше.

– Вентилятор вращается с той же скоростью? – спрашивает она.

– Я с ним ничего не делал, – отвечает он. – А ты?

Она отрицательно качает головой и кивает ему: давай, я буду смотреть.

– Я стоял на этой ступеньке, – рассказывает он, поднимает руку и касается той перекладины, на которой стояла его нога, а потом лезет выше.

Он ждет, когда вращающиеся лопасти вентилятора снова окажутся на уровне его груди, а потом смотрит сквозь них вниз. На Питу на диване. На мертвую вапиту из липкой ленты и волосатый буррито вместо живота.

– Может, дело в освещении, – говорит Пита, слезает с дивана и отходит на край гостиной, где стояла тогда, когда Льюис начал свое медленное падение.

– Я отбрасываю тень? – кричит она ему снизу. Она включает за спиной свет в прихожей, потом выключает его, не двигаясь с места.

– У тебя в руке был пакет, – говорит ей Льюис, по-прежнему надеясь, что это может сработать, что произошедшему можно найти какое-нибудь объяснение.

– Ладно... – откликается она. Пита, кажется, не очень поверила в возможность что-то изменить с помощью пакета, но все равно идет на кухню, чтобы его отыскать.

Пока ее нет, Льюис смотрит вверх вентилятора на вмятину, оставленную лестницей в стене гостиной. Новая рана в этом доме.

Там что-то мелькает, подобно остаточному изображению на экране, оставшемуся после кадра, которое пытается прокрасться незамеченным. Он на девяносто процентов уверен, что видит на стене тень человека. Слабую тень, мелькнувшую всего на одну секунду.

Женщина с головой, не похожей на голову человека. Она слишком тяжелая, слишком длинная.

Когда она поворачивается и смотрит на него своими широко расставленными глазами, он поднимает руку, чтобы заслониться от нее, спрятаться, но уже слишком поздно. Уже десять лет как поздно. С тех пор, как он нажал на тот курок.

Среда

Что будит его на следующее утро... баскетбол? Дриблинг?¹⁴

Льюис скатывается с кровати, натягивает треники, лежащие ближе других, ему приходится придерживать их левой рукой во время спуска по лестнице – сушильная машина съела продетый в них шнурок, еще когда они были совершенно новыми.

Кто-то определенно ведет баскетбольный мяч по подъездной дорожке.

Льюис выходит из кухни в гараж, спрашивает у Харли:
– Кто это, малыш?

Харли один раз ударяет хвостом по спальному мешку с картинками из «Звездных войн», на большее у него нет сил.

Может быть, соседский мальчишка? Может, прежние обитатели дома разрешали всем ребятам с этой улицы приходить в любое время и побросать мяч в кольцо?

Если так, то это здорово. Льюису нужно играть с кем-то, равным ему по уровню мастерства. Играть с Питой – как и соревноваться с ней в любом легкоатлетическом спорте – значит, чаще всего, опозориться. Даже если он хватает ее за пояс, когда она проносится мимо, или толкает в спину, ко-

---

¹⁴ Дриблинг – маневр с мячом, смысл которого состоит в продвижении игрока мимо защитника, регламентированного правилами, при сохранении мяча у себя.

гда она делает бросок из-под корзины, он никогда не может забросить двадцать один мяч раньше, чем она. Он даже не добирается до десяти, а она уже выигрывает.

Льюис бьет кулаком по кнопке двери гаража, заранее делая суровое лицо, потому что так и надо поступать, когда на твою территорию вторгаются посторонние: это может быть прежний арендатор, который спьяну забрел в бывший дом, дорогу в который он помнит.

Медленно – дверь старая, тяжелая – в поле его зрения появляются кеды, потом ноги, затем женская фигура, и наконец... *Шейни?*

Она резко оборачивается, уходя от воображаемого защитника, потом возвращается назад, взлетает в прыжке, изобразив ногами ножницы в воздухе. Мяч отскакивает от щита, потом ложится в кольцо, плавно, как по маслу. Она подбирает его под щитом, зажимает обеими ладонями и бросает через площадку, прямо в цель.

Льюис ловит мяч, иначе он бы врезался ему прямо в живот.

– Я тебя разбудила, ранняя пташка? – с вызовом спрашивает она.

– У меня выходной, – отвечает Льюис.

– Чтобы посидеть с ним? – Шейни идет прямо к Харли, раз уж дверь теперь открыта.

Она обхватывает ладонью его широкую голову, подносит его нос к своему, закрывает глаза и замирает в таком поло-

жении.

– Ты чувствуешь этот запах? – спрашивает Льюис.

– Он умирает, – говорит она, поглаживая его надорванные уши.

Шейни садится на одеяла так и не построенной потельни и говорит, имея в виду Харли и все его шрамы:

– Он старый боец, правда?

– Ты пришла только повидать его? – спрашивает Льюис, стараясь, чтобы в голосе не прозвучал вызов.

– Твоей жене не хотелось бы видеть меня здесь? Белые подружки краснокожих парней всегда больше всего ревнуют к таким, как я.

– Как ты? – переспрашивает Льюис, хотя он уже почти знает ответ.

– К индейским женщинам, одиноким, и тому подобное, – продолжает Шейни. – Я знаю, Джерри говорит, что от меня одни неприятности.

Заголовок времен резервации: «БЕЙСБОЛ, БЕЙСБОЛ, БЕЙСБОЛ».

– Что значит ее имя? – интересуется Шейни. – «Девушка – белая лепешка», или еще что?

– Пита через букву «и»,¹⁵ – объясняет Льюис, повторяя объяснение самой Питы. – Она должны была родиться мальчиком, имя ее отца – Пит, поэтому он приставил букву «а»

---

¹⁵ В оригинале имя Питы – Peta, а ее отца – Pete, в то время как пита (плоский пресный хлеб) – Pita.

к собственному имени и передал его дальше.

Шейни кивает, показывая, что, конечно, она понимает, и когда она убирает со лба челку, Льюис замечает ее налитый кровью глаз, и что – разве он никогда раньше не видел ее лба? – кожа над бровью с той стороны туго натянута и бугристая, будто от внезапного контакта с панелью управления, или будто банка аэрозоли взорвалась в горячей куче мусора.

И все же ее глаз... Неудачное свидание вчера вечером? Или это, или плохой бойфренд. Он не задает вопросов, старается не слишком заметно глазеть. А это означает, что она видит его интерес.

– Во всяком случае, я пришла за книгой, мистер Библиотека, – говорит она, стряхивая волосы снова на лоб и на глаз. – А не посягать на ее собственность. Позвони ей и скажи об этом. Я подожду. У меня тоже сегодня выходной.

Льюис пристально и с сомнением смотрит на нее, потому что обычно после такого вступления следуют насмешки. Чтение книг о волшебниках и друидах в торговых центрах, или оборотнях и вампирах, работающих детективами, не поднимает престиж тридцатишестилетнего мужчины. А если бы кто-то узнал, что иногда они еще и о кентаврах и русалках? Или о демонах и ангелах? О *драконах*?

Просто надо прятать обложки подобных книг в глубине полок.

Только вот эта девушка просит его их показать.

Даже Пита не совсем понимает их увлекательность, оча-

рование, притягательность. Не понимает, зачем во время вылазок на природу он всегда сует в рюкзак одну-две книги в мягком переплете, упаковав каждую в отдельный пакет на молнии. Тем не менее она превосходная спортсменка. Она всегда бежит слишком быстро, или прыгает слишком высоко, поэтому ей некогда увлекаться чтением книг. Ее это ничуть не портит.

Повторяй это почаще, говорит себе Льюис.

Повторяй почаще и выходи с мячом из тени гаража под яркое, открытое небо. Сегодня такой хороший ноябрьский день.

– Что-нибудь конкретное? – спрашивает Льюис у Шейни, не оглядываясь на нее, полностью сосредоточившись на ободке кольца, готовясь встать на цыпочки и бросить мяч. Он собирался пройти к краю, покрасоваться и сделать бросок не хуже, чем только что сделала она с такой кажущейся легкостью, но в последний момент ему приходится отказаться от этой мысли, чтобы удержаться на месте треники. Под ними ничего нет.

– Ничего такого, чего бы я не видела раньше, – говорит Шейни. – И я имею в виду высокого индейца, задыхающегося на площадке.

Мяч прыгает по разбросанному позади столба с корзиной мусору. Босой Льюис осторожно пробирается за ним среди хлама, потом выбирает еще более худшую дорогу обратно к бетонной площадке.

– Не знаю, что-нибудь *захватывающее*, – говорит Шейни, возвращаясь к теме книги, за которой она приехала. – Думаю, первую в серии. Хорошей длинной серии. Такую, чтобы у меня было занятие на всю ночь.

Она способна говорить о чем-то одном?

– Ты это серьезно? – спрашивает Льюис и посылает ей мяч грудью так медленно, что она ловит его в воздухе, будто бы даже с презрением к такому слабому пасу. Однако ее развешивающаяся на ветру рубашка цепляется за мяч, когда она прижимает его к животу, поэтому она с раздражением подбрасывает мяч высоко вверх и заводит руки за спину, чтобы завязать ее концы, избавиться от лишней ткани, а потом снова его ловит. Пита в такой ситуации обычно заправляет передние полы под свой спортивный бюстгальтер, но Шейни такой вариант даже не рассматривает.

– Ох, – произносит она, проследив за случайным взглядом Льюиса на свой живот.

Там тянется длинный, рваный шрам сверху вниз, не из стороны в сторону и не внизу, как шрам после кесарева сечения. Он выглядит так, словно ей провели операцию на открытом сердце, однако этот уродливый, неровный рубец расположен чуть ниже.

Неужели все свои травмы она получила зараз? Одна очень плохая ночь вместо многих довольно неприятных ночей?

Льюису хочется спросить о возможной автомобильной аварии, или задать вопрос, не младенец ли стал причиной

этого шрама, или это сделал какой-то парень... но что, если она единственная выжила после аварии? Что, если младенец погиб? Что, если тот парень, сам без шрамов, до сих пор где-то ошивается?

– Выкладывай уже, – говорит Шейни, имея в виду шрам. – Давай, я уже все вопросы слышала. Где я побывала, в отделении «Скорой помощи» или у мясника?

Она держит мяч двумя указательными пальцами и вращает его большими пальцами, между Льюисом и своим животом... Несмотря на ее спокойствие, Льюис понимает, что ей не очень-то хочется, чтобы он на нее глазел.

– Да он едва заметный, – выдает он стопроцентную ложь. – А все было...

Она быстро переводит взгляд на корзину, и ее молчание говорит само за себя, больше ему ничего не нужно: ее история, склеенная из всех других известных ему историй, сама складывается у него в голове. Она была молода, а доктора «Скорой помощи» лишили лицензии, поэтому она старалась убежать от той крошечной могилки как можно дальше, и это закончилось примерно на расстоянии одного бака бензина от ее резервации.

– Мне очень жаль, – говорит Льюис. Ему жаль не то, что он увидел ее шрам, а то, что с ней случилось.

– Мы оттуда, откуда мы родом, – отвечает она. – Шрамы ведь входят в сделку.

Льюис выходит на баскетбольную площадку, с трудом

включаясь в эту игру.

— Значит, ты и правда хочешь книгу? — спрашивает он, все еще уверенный, что это какая-то сложная шутка.

— Да, я умею читать. — Она оскорбленно пожимает плечом, приближается к нему, стуча мячом, потом поворачивает обратно, будто приглашает. Все парни-баскетболисты могут поучиться у девушек-игроков хотя бы этому приему: повернуться к защитнику задницей, чтобы иметь возможность защитить мяч, обойти с той или с другой стороны. Проблема в том, что самолюбивые парни всегда считают, что более удачный прием зайти спереди, смотреть в глаза, а потом обойти финтом сбоку. И может, так и есть. Но именно у парней чаще воруют из карманов.

Шейни наступает прямо на Льюиса, она ведет мяч далеко от своего тела, так что он не может до него дотянуться из-за ее спины.

Он понимает, что ему несдобровать, если Пита сейчас вернется. С тем же успехом он мог бы в баре прижиматься сзади к полураздетой девушке, которая делает вид, что не умеет играть на бильярде. Но Пита не придет. Она будет работать еще несколько часов, и даже потом ей придется прошагать пешком еще минут десять со стихийной парковки с рабочей сумкой через плечо и с защитными наушниками на шее. Вероятно, мир кажется ей таким тихим после целого дня в окружении самолетов с работающими на полную мощность двигателями. Они режут вокруг весь день.

Пита.

Льюис дает себе клятву держать в голове ее имя в следующие несколько минут.

Шейни наклоняется вправо, будто собирается воспользоваться левой и бросить мяч вперед, потом пуститься в длинный дриблинг, который приведет ее на участок под корзиной, если она сумеет проскользнуть и бросит мяч снизу. Но потом она поворачивает влево, и Льюис, как обычно, как с Питой, покупается на эту уловку. Она ужом проскальзывает мимо, тренер хорошо обучил ее работать ногами, и вот сетка уже выплевывает мяч вниз.

– Мне приходилось удерживать свои треники, – кричит ей Льюис.

– Ничего подобного, – отвечает Шейни и посылает мяч в гараж, подальше от обоих Харли – умирающего пса и стоящего в гараже мотоцикла «Роуд Кинг».

– А теперь, полицейский, доставай свою книгу и заводи на меня дело.

Прошла секунда, пока до Льюиса дошло. И он хорошо понимает, что она только что внедрила образ «наручников» в его мозг. Тем не менее он ведет ее в дом, одной рукой крепко придерживая свои треники, но, когда он оглядывается на повороте лестницы, Шейни все еще стоит у кухонного стола.

– Черноногие? – спрашивает она.

Она почти касается свертка из шкуры вапити, лежащей на столе, и она только что то ли назвала племя Льюиса, то ли

спрашивает, не из их ли резервации эта шкура.

– Что? – отзывается Льюис, останавливаясь и хватаясь свободной от тренировок рукой за стойку перил на повороте лестницы.

– Я не знала, – говорит она, словно узнав его с другой стороны. – Ты... ты – хранитель священного узелка¹⁶? Тебе позволили увезти его так далеко?

Увидев выражение его лица, она объясняет:

– Все равно что хранитель священной трубки. Только это узелок.

– О, это просто... – начинает Льюис, но не договаривает. – Меня воспитывали не в самых строгих традициях племени.

– Думаю, традиции все равно тебя нашли, – возражает она, явно под впечатлением, и почти касается коричневых шерстинок, потом отдергивает руку, будто боится того, что может произойти, что может перейти из этого узелка черноногих в нее, женщину из племени кроу.

«Это просто шкура вапити», – не говорит вслух Льюис. В основном потому, что теперь она подошла к дивану, видит позорное изображение вапити из клейкой ленты на ковре гостиной. Она переводит взгляд на него, потом обратно и, не говоря ни слова, подходит, берет липкую ленту, отрывает несколько длинных полосок и приклеивает их к боку дивана.

---

¹⁶ У равнинных алгонкинов была традиция иметь священный, или магический, узел. Хранителем его был, как правило, верховный шаман. Но и простые воины брали с собой в поход священные узелки, они выполняли роль амулетов или оберегов. В них могли быть перья, кости животных, глиняная трубка и т. п.

на. Они похожи на длинные, аккуратные полоски деревянной стружки, загибающиеся на концах.

Льюис ничего не говорит, просто идет к ней как зачарованный, сотня возможных объяснений теснится у него в голове, но всем им суждено оказаться неверными.

Шейни неторопливо прикрепляет длинные полоски к коврику, она не добавляет их к контурам оленихи, а лишь частично снабжает ее внутренностями. Вот входящая внутрь трубка, прямая, как стрела, такую Льюис всегда видел на хижинах и на балках, она проходит от рта к животу – а почему, он никогда не мог догадаться. Почему пищевод и желудок важнее, чем сердце или печень?

– Теперь правильно, – говорит Шейни.

Действительно. Раньше это было похоже на раздавленную овцу. Теперь... все еще не так похоже на молодую самку вапити, это скорее некое улучшенное изображение молодой самки, даже лучше реальной вапити.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Льюис.

– Ты меня спрашиваешь, потому что я девушка?

– Это была просто клякса с ногами, – говорит ей Льюис.

Теперь она смотрит в сторону лестницы, на потолок, на котором ничего не происходит.

– Мои книги... – делает попытку Льюис, осознавая, что это уже не посещение библиотеки.

– Почему ты делаешь это здесь, возле дивана? – почему-то спрашивает она, снова подходит к нему и смотрит в упор

своими жадными глазами. Растопырявает пальцы, показывает на контур вапити из липкой ленты и оставляет их растопыренными.

– Ты бы задала тот же вопрос, выбери я любое другое место, – отвечает Льюис, уходя от ответа.

– Но ты сделал это именно здесь, а не в другом месте, – возражает Шейни, на этот раз она не давит, а допытывается.

– Это глупо, – говорит он и садится на третью ступеньку лестницы. – Просто мне показалось, что я недавно что-то увидел.

Она откидывается на спинку дивана, не отрывая от него глаз, и спрашивает:

– Что именно?

– Это не так, как в книжках, – отвечает Льюис. – Когда ты... когда вроде видишь то, чего быть не должно.

– Например, вервольфа, роющегося в твоём мусоре? – договаривает она за него, берет с кофейного столика книжку, которую он сейчас читает, и показывает ему обложку, на которой... вервольф роется в мусорном баке, а вся дорожка усеяна отбросами.

Льюис кивает, его загнали в ловушку. Он прижал ладони ко рту, обдав их горячим дыханием.

Неужели он действительно вот-вот ей расскажет? Узнает ли эта крутая девчонка с работы то, чего не знает его жена?

Но она сумела закончить изображение оленихи на полу. Это что-то да означает. И... Льюис ненавидит себя за свои

слова, за то, что так думает, но факт остается фактом: она из индейского племени.

Что еще важнее, она сама задает вопросы.

– Это произошло зимой, до того, как я женился, – говорит он. – За шесть... нет, за пять дней до Дня благодарения. В субботу перед Днем благодарения. Мы охотились.

– Мы? – уточняет Шейни.

– Парни, с которыми я вырос, – пожимает плечами Льюис, давая понять, что дело не в них. – Гейб, Рикки, Кассиди... Касс.

Шейни кивает, мол, пока все понятно, и опять бросает взгляд на фигуру из липкой ленты, которую они оба считают вапити, и Льюис продолжает рассказывать... исповедоваться, впервые высказывает все вслух, что должно означать: все это действительно произошло.

Та суббота

Небо плевалось твердыми маленькими снежками, которые все время застревали в девчоночьих ресницах Льюиса, которые он всегда считал нормальными.

– Ты накрасила ресницы, принцесса? – все равно сразу же спросил Гейб. – Стоит только глазом моргнуть, и все парни сбегутся к твоей двери?

– Кто бы говорил, – парировал Льюис, выпятив подбородок в сторону таких же заиндедевших ресниц Гейба.

За границей резервации люди всегда ошибочно принимали их с Льюисом за братьев. Гейб был всегда чуточку выше ростом, но во всем остальном – как две капли воды. Во времена Джона Уэйна¹⁷ их с Гейбом согнали бы вместе с другими индейцами и расстреляли из пулемета, они стали бы номерами 16 и 17 из сорока. Но Касс скорее принадлежал к типу индейца, сидящего перед хижиной, типу, скроенному для двадцатого века, может быть, он бы уже носил одну из первых моделей темных очков Джона Леннона. Рикки был вылитый Блут¹⁸ из «Морячка Полая», только более смуглый; если поставить его перед камерой, то он мог надеяться сыграть только бессловесного индейца-головореза, никто не по-

---

¹⁷ Ссылка на актера вестернов Джона Уэйна и сцену расстрела индейцев в одном из фильмов о борьбе с индейцами команчи.

¹⁸ Один из самых узнаваемых злодеев из мультфильмов и комиксов.

верил бы, что он способен запомнить хоть половину реплики. Тем не менее в компании Льюиса, Гейба и Касса он был единственным, кому удавалось отрастить хотя бы половину бороды, если он выдерживал зуд первых дней и если у него в то время не было подружки.

– Какая-никакая, зато борода, – вот что он всегда говорил, поглаживая свои четырнадцать редких волосков на щеках, будто он Гризли Адамс¹⁹.

Гейб наклонился к Льюису, вытянул губы, как для поцелуя, и сказал:

– Немного заигрывания может сработать лучше, чем... – Но тут впереди возле грузовика Касс поднял левую руку, призывая их замолчать.

– Что тут у вас? – спросил Рикки, возвращаясь.

Он всегда уходил куда-то в сторону, уверенный, что они пропустили все стадо, что все вапити идут мимо цепочкой, вне поля их зрения, пригнув головы, чтобы их рога не выделялись на фоне снега.

– Ш-ш-ш, – прошипел Касс, опускаясь на колено, чтобы прочесть следы как настоящий индеец.

Следы.

Вапити рылись носами в полотне дороги, наверное они понимали, что некоторые грузовики возят сено, а груз сена никогда не доезжает до места целиком, и не без помощи вы-

---

¹⁹ Адамс, Джон (Гризли). Калифорнийский охотник и дрессировщик медведей гризли. Носил густую бороду.

соких вапити, которые своими длинными шеями дотягиваются через борт грузовика и даже забираются под ящик с инструментами, чтобы подобрать все соломинки.

– Тяжелые ребята, – сказал Гейб, присел и сунул указательный палец в глубокий отпечаток копыта. У него был какой-то сложный метод определения веса самца: если палец погружается до второго сустава, то он весит столько-то, если еще на полсустава – столько-то, но Льюис в это никогда не верил.

– Говорил вам, что они здесь, наверху, – сказал Рикки, оглядываясь по сторонам, словно вапити могли обнаружиться у опушки, как глупые белохвостые олени, махать хвостами и наблюдать за ними.

«Здесь, наверху» означало не «высоко-высоко», где передвигаются на снегоходах или на конях, а на полпути туда, чуть ниже Бабба, по направлению к Утинному озеру. Так как надвигалась непогода, вапити должны были уже спускаться из леса, чтобы переждать большой снегопад. Замысел заключался в том, чтобы встретить их на полпути.

– Вот дерьмо, – произнес Касс, как обычно, и Рикки отошел с непременным уточнением:

– Бычье дерьмо, – тыча носком сапога в свежую черную кучу какашек, заостренных с одного конца, а не с обоих.

В девяти случаях из девяти это указывало на самца, не на самку.

– Они с нами играют, – заметил Гейб, поправляя ремень

ружья на плече.

– Поймай меня, если сможешь, – сказал Льюис, а затем они выстроились в цепочку вдоль уходящих прочь следов и прошли по ним вниз по склону, еще ниже, до...

– Дерьмо, – произнес Касс, повернулся назад и пнул ногой снег.

– Они знают, – хихикнул пораженный Рикки.

– Вот ведь озорники... – сказал Льюис, чересчур громко причмокивая, и Касс искоса взглянул на него, не уверенный, что правильно расслышал, но не желая переспросить.

Гейб ничего не сказал, просто продолжал смотреть туда, куда ушли крупные самцы, и туда, где они были до этого.

– Кто-нибудь прихватил с собой седые косы? – произнес он наконец со своей фирменной ухмылкой, той самой, которая обычно заканчивалась для него хорошей трепкой в конце вечера или тюремной камерой. Иногда и тем и другим. Сто лет назад он был бы тем парнем, который всегда пытается сколотить банду налетчиков, вместе с ними пересечь границу, повеселиться от души и утром примчаться обратно домой сломя голову, преследуемый по пятам половиной населения Америки.

– Нет, приятель, – возразил Рикки, глаза его горели, так что он, наверное, говорил серьезно, хотел настоять на своем. – Если нас там поймают, это...

– Так не дадим себя поймать. Что скажете? – спросил Гейб, переводя взгляд с одного лица на другое, будто спра-

шивал мнение присяжных.

– Нельзя, – ответил Льюис Гейбу, имея в виду участок старейшин. – Рикки прав, если Дэнни снова нас поймают, он...

– Только это несправедливо, – заскулил Касс, кончиком пальца стряхивая какую-то пылинку и следя за ее полетом. – Этот участок отвели старейшинам, но никто из них на нем даже не охотится.

– Старые люди просыпаются рано, – вставил Гейб, будто только что нашел этот веский аргумент. – Если бы они собирались охотиться сегодня на своем участке, они бы уже побывали здесь и ушли. Мы просто подберем тех, которых они не собирались убивать. Не крупных. Кассиди прав.

– Касс, – поправил Касс.

– Как себя ни называй, но ты прав, – поправил сам себя Гейб, расставляя пошире ноги, чтобы устоять после толчка локтя Касса.

И дело было не в том, что весь участок старейшин находился на запретной территории, но только старейшины – плюс один, и только один человек, – могли приехать сюда и уехать отсюда на грузовиках. Всем остальным приходилось топать пешком, а местность состояла из подъемов и спусков, пока не доберешься до его дальней стороны, а это, по крайней мере, два часа ходьбы, и уже прошло полтора часа после ланча, и солнце заходит сразу после четырех часов, а вместе с солнцем клонится книзу и столбик термометра.

– Не только у старейшин в морозильниках пусто, – заме-

тил Касс, пожимая плечами.

– В любом случае это мой грузовик. Вас троих выпустят под залог, я все возьму на себя.

Рикки ничего не ответил, а Льюис просто отвел глаза и снова посмотрел вниз, на участок старейшин.

Территория вокруг Утиного озера была что надо, сомневаться не приходится. И Гейб знал все дороги лесозаготовителей, все двухколейные дороги, все старые звериные тропы, которые благодаря полноприводным автомобилям и бензопилам значительно расширились. И ему было очень досадно, что он – единственный индеец, не добывший вапити.

– Последний день сезона... – Гейб умоляюще смотрел на них всех.

Формально этот день не был последним, но это был последний день, когда они могли выбраться на весь день вместе. У них еще будут совместные перерывы на ланч, когда можно поесть и прокатиться в лес, и кто-то мог бы увидеть вапити, идущего вдоль дороги. Еще можно было бы опоздать на работу, заметив цепочку глубоких следов, уходящих от одной придорожной канавы до другой. Но Льюис слышал, что говорит Гейб, о чем он спорит: последний день сезона, другие правила. Сгодится все, что угодно. Все, что наполнит морозильник. Ты провел достаточно дней на холоде и в снегу и почти считаешь, что вапити перед тобой в долгу.

И в их число входит любой лось или олень-мул, на которых можно наткнуться по дороге.

– Черт, – произнес Льюис, потому что почувствовал, что начинает прогибаться.

– Это там, в глубине, где ты нашел Младшего? – спросил Касс у Рикки, но Рикки снова наблюдал за деревьями, среди которых он всегда видел шевелящееся ухо там, где не было никаких ушей.

Касс говорил о том случае, когда Рикки нашел Большое Перо-младшего, плавающего лицом вниз в Утином озере, и в те выходные прославился на всю резервацию.

– Заткнись, – бросил Рикки, он уже надел на лицо выражение охотника, которое было, в сущности, просто маской индейца из магазина сигар. Но Касс не стал продолжать.

Гейб воспользовался молчанием и внимательно оглядел все лица, все глаза, все их тщедушные спины.

– Ну, вапити сами себя не перестреляют, джентльмены, – произнес он наконец, очевидно удовлетворенный увиденным. Он повертел в руках ружье, чтобы очистить патронник. Касс ввел правило это делать после того, как в полу его грузовика появилась новая дыра. Гейб настаивал, что Касс будет благодарить его за нее летом. Именно на этом месте Льюису хотелось бы заставить тот день замереть, просто полностью остановить, повесить этот кадр на стенку и назвать «Охота», или «Снег», или «За пять дней до индейки и футбола», да без разницы.

Но он не мог. Остальная часть дня уже шла своим чередом, уже довольно много произошло именно в тот момент,

когда Гейб смотрел вниз со склона туда, где, по его словам, находились вапити.

– Он был прав? – задает вопрос Шейни, она сидит, подобрав под себя согнутые в коленях ноги, в традиционной позе.

Льюис спрашивает с тоскливым смешком:

– Насчет того, что олени сами себя не перестреляют?

Шейни кивает, и Льюис отводит взгляд, говорит, что Рикки тоже был прав.

– Насчет чего? – спрашивает Шейни.

– Что нас поймают.

Поскольку в квадратной кабине Касса не было домкрата, всякий раз, когда он не мог разглядеть дорогу и проваливался в рыхлый снег, всем приходилось вылезать и по очереди работать вытянутой рычажной лебедкой, а другие двое при этом выкапывали из-под колес снег досками, пытаясь сотворить чудо этими подручными средствами. При этом один сидел за рулем, осторожно жал на акселератор или на рычаг коробки передач, раскачивая грузовик назад и вперед.

По крайней мере четыре раза им грозила смерть, но или неустойчивый подъем заканчивался падением в пушистый снег, а не на твердый лед, или крюк лебедки соскакивал и попадал в кабину грузовика, а не кому-то в лицо.

Это было так смешно, что даже Льюис смеялся.

Никто не предчувствовал, что что-то может пойти не так.

Да, конечно, ему нужен был вапити, очень нужен, но все равно именно в этом и заключается прелесть охоты: ты с приятелями пробираешься по глубокому снегу, дыхание превращается в морозный пар, перчатка с правой руки вечно теряется, сапоги внутри промокли, а гора Чиф смутным пятном маячит на северо-западном горизонте, будто наблюдает за этими идиотами черноногими.

По крайней мере, так было до тех пор, пока они не добрались туда, где все произошло.

Это была крутая гора, примерно на расстоянии полумили от озера. Уже начинался большой снегопад, который гнал впереди себя ветер. Только этим Льюис мог объяснить то, что вапити не слышали, как «шеви» Касса пробирается сквозь снег. Об этом трещали белки, несколько еще оставшихся птиц раздраженно отлетали все дальше, но вапити, возможно из-за дующего им в морды ветра, просто пытались схрупать что можно до того, как все занесет снегом.

Вспоминая тот день, Льюис говорит Шейни, что оленей могли бы спасти дикие лошади, которые всегда появлялись в самых неожиданных местах резервации, с широко открытыми, безумными глазами, с лохматыми, спутанными гривами и хвостами. Если бы четыре-пять лошадей проскакали мимо по своим важным лошадиным делам, они могли бы спугнуть вапити или по крайней мере, заставили бы их прислушаться и приняться повнимательнее, насторожиться.

Но в тот день лошадей там не оказалось. Только вапити. Произошло то же, что происходило на последней половине мили: Касс опять потерял дорогу, несмотря на то что Гейб гарантировал – она поворачивает здесь, именно здесь. Но вместо того чтобы попытаться вернуться обратно и снова найти дорогу, Касс поехал в неверном направлении, вжимая педаль в пол, хотя колеса уже буксовали в снегу и грузовик двигался только по инерции, увязая все глубже.

– Идем на рекорд, идем на рекорд... – сказал Гейб, приподнимая зад над сиденьем, как будто это его вес мешал им ехать, а сидящий сзади Рикки подался вперед на сиденье, пытаясь помочь грузовику продвинуться вперед. Сидящий рядом с ним Льюис думал о том, какой положен штраф за одно только пребывание на участке старейшин. Но он понимал: никакой, пока тебя не поймали с ружьем. А если поймут с добычей? Дэнни посадит под замок и выбросит ключ.

– Прорвемся, прорвемся! – твердил Касс, держа одну руку на баранке, а вторую на переключателе коробки передач, чтобы включить большую скорость, если им повезет и она им понадобится. Но он совсем ненамеренно направлял машину с одной части зигзага дороги на другую, снег летел со всех сторон, вращающиеся шины выбрасывали вверх огромные петушинные хвосты снега, часть его, вероятно, даже не падала на землю, а улетала по ветру и выпадала над Кат Банк или Шелби²⁰ – где-то так далеко от этого места, что сейчас

---

²⁰ Города в штате Монтана.

эти города казались почти легендой.

– Черт, черт, – произнес Льюис, продевая вторую руку под страховочный ремень и упираясь прямыми ногами в пол кабины, хотя и знал, что это неправильный способ противостоять толчкам. Но он просто повиновался инстинкту. Уже три раза они едва не врезались в покрытый лишайником валун, оставленный каким-то ледником двадцать тысяч лет назад. Рано или поздно они непременно налетят решеткой радиатора на один такой валун.

Вместо этого гранитного знака «Стоп» они наткнулись на пустоту и чуть было не рухнули вниз с обрыва.

Кассу даже не пришлось ударять по тормозам, он просто прекратил гнать вперед.

– Что за черт? – спросил Рикки, который ничего не видел с заднего сиденья. Льюис тоже.

Грузовик фыркнул, и они погрузились в мертвую тишину.

– Хороший черт, – произнес Касс с отвращением, пытаясь протереть лобовое стекло со своей стороны, потом вместо этого опустил стекло, и Льюис возблагодарил всех богов, которые вмешались в этот момент: они бы превратились в дымящиеся обломки, свалившись с этой скалы.

– Ш-ш-ш, ш-ш-ш, – велел всем Гейб и нагнулся над приборной доской, глядя вниз.

А потом...

– Что? – спрашивает Шейни.

Потом Гейб потянулся за своим ружьем.

Его пальцы легли на приклад пистолетного типа один за другим, очень осторожно, будто одновременно все четыре пальца создали бы слишком много шума.

Яснее всего из следующих шестидесяти секунд, а может, из двух невероятных минут, Льюис запомнил то, как сердце сжалось в груди, как в его горло хлынул... ужас? Не в него ли превращаются слишком большая радость и изумление, когда они полностью тебя охватывают? Его мгновенно прошиб пот, голова заполнилась звуками, глаза ослепил слишком яркий свет, и голова не могла это усвоить. Это было похоже... он действительно не мог найти слов.

– Этот стремительный прилив «бей или беги», – объясняет он Шейни, только бегство полностью исключалось. Так он всегда представлял себе войну: слишком много происходит всего сразу, руки действуют почти помимо его воли, потому что они так долго ожидали этого момента и не собирались позволить ему упустить его.

И Гейбу тоже.

Он дернул ручку своей дверцы и очень плавно скатился в снег, таща за собой ружье.

Вслед за ним, не говоря ни слова, вылезли все остальные. Рикки выскочил из своей двери, Касс пытался поставить грузовик на тормоз, чтобы он не свалился с края скалы, на ко-

тором балансировал.

Дверь со стороны Льюиса открылась тихо, подобно шепоту, подобно судьбе, и когда он опустил ногу на сыпучую поверхность, которая оказалась глубиной в два фута, он просто продолжил падать, и его подбородок погрузился на ширину ладони в пудру, взбитую передними колесами. Однако он не остановился. Он пополз дальше, как солдат, подтягиваясь на локтях и держа ружье перед собой, чтобы ствол остался чистым.

И... именно тогда его накрыла волна безумия.

Он видел большие стада в парке возле равнины Двух Псов, видел их весной возле Бабба, скачущих через дорогу ночью, но он никогда не видел столь близко такого множества огромных, совершенных тел на фоне этой снежной белизны. По крайней мере, не с ружьем в руках и не в окружении туристов, щелкающих камерами.

Выстрел ружья Гейба прозвучал где-то далеко, где-то внизу, в другом конце какого-то очень-очень длинного туннеля.

Льюис, понимая, что именно так должен вести себя хороший индеец, вспомнил, как вставить патрон. Когда он закончил, то поднял телескопический прицел, приник к нему правым глазом и теперь тоже стрелял, и опять стрелял, пережидая только, пока в перекрестье прицела появится что-то коричневое. Или хотя бы возле перекрестья – как он мог промахнуться?

Не мог.

Он сделал три выстрела, потом перекатился, роясь в карманах штанов в поисках патронов, и для вапити, выросших на высокогорье, первым инстинктивным порывом было ринуться вверх по склону, где, как они считали, будет безопасно, так как от крутого склона, уходящего вниз перед грузовиком, звуки выстрелов отражались во все стороны.

С другой стороны грузовика Рикки издавал какой-то древний боевой клич, как и Гейб, и Льюис думает, что и он тоже что-то кричал.

– Ты не слышал, кричал или нет? – спрашивает Шейни.

Льюис качает головой – нет, не слышал.

Но он помнит, что Касс стоит за открытой дверью, высунав ствол ружья в открытое окно, и он все стреляет, стреляет и стреляет, останавливаясь только для того, чтобы вставить следующий патрон, и следующий, а один из них падает на приборную доску и со стуком катится по ней, потом шипит в снегу рядом с Льюисом.

– Мы могли бы неделю кормить все племя таким количеством мяса, – говорит Льюис, его глаза теперь горят. – Может, целый месяц. Или всю зиму.

– Если бы были такими индейцами, – говорит Шейни, когда понимает, о чем он говорит.

– Это еще не все, – произносит Льюис, наконец бросая взгляд на вапити из липкой ленты на полу гостиной.

В наступившей после этого ватной глухоте они вчетвером стояли на выступе скалы, мимо неслись снежные струи, буран уже почти настиг их, и Гейб – он всегда отличался самым острым зрением – насчитал внизу, в снегу, девять огромных туш, каждая весом фунтов пятьсот.

«Шеви» Касса весил полтонны.

– Будь я проклят, – произнес Рикки, тяжело дыша и расплываясь в улыбке.

Это была такая удача, с которой они никогда не встречались, о которой они только слышали. Но так – никогда. Чтобы целое стадо – никогда. Никогда столько вапити, сколько они смогли перестрелять.

– Все в порядке? – спросил Гейб у Льюиса, а Касс протянул руку и кончиком пальца потрогал правый глаз Льюиса.

Кровь.

Раньше, когда мальчишкой он поранил глаз оптическим прицелом – тогда из-за отдачи окуляр прицела воткнулся ему в глазницу – он почувствовал, как волна отдачи медленно прокатилась по его голове от глаза к затылку. От этого мозг на мгновение словно тает, в голове все путается, и ты потом не помнишь, что именно сделал, почему окуляр повредил глаз. Кроме очевидного: ты прижал прицел прямо к глазу и нажал на курок.

На этот раз Льюис помнил каждый выстрел, свинцовый удар каждой пули по мясу, но даже не почувствовал силы этой неожиданной отдачи, пронесшейся по голове от лба к затылку.

Спустя пять лет дантист посмотрел на рентгеновский снимок и обнаружил повреждение кости вокруг правого глаза, свидетельство этой травмы, и спросил, не результат ли это автомобильной аварии.

– Почти, – ответил Льюис. – Но это был грузовик.

В последний раз он видел «Шевроле» Касса на шлакоблоках возле ограды из колючей проволоки на холме к северу от Браунинга, лобовое стекло было разбито, а зияющий капот был похож на открытый в постоянном крике рот. Двигатель, должно быть, был еще в неплохом состоянии, иначе бы его оставили внутри. Колеса и шины тоже стащили. После того как Льюис покинул эту часть страны – навсегда, как он втайне надеялся, – он представлял себе, что первый шлакоблок, поддерживающий грузовик, очень скоро исчез, покрытый ржавчиной тормозной барабан провалился сквозь серый камень, и грузовик стал похож на стоящую на коленях лошадь, а после этого все быстро закончилось. Земля забирает то, что ты бросаешь.

В тот давний день, однако, когда они добыли столько вапити, «шеви» все еще жил своей первой или, может, второй жизнью, молодой и голодный, и всем своим видом показывал, что сможет перевезти столько вапити, сколько они смо-

гут на него погрузить. На самом же деле даже три оленя в кузове полутонки грозили перевесом, от которого задняя часть грузовика просела бы на рессорах, а нос задрался бы к небу, приводя передние тормоза в бесполезное состояние.

И то, если эта дурацкая рычажная лебедка не выйдет из строя и втащит тяжелые туши вверх по склону, и четыре индейца, не имея распорок для туш и автогидроподъемников, смогут как-то затащить второго и третьего вапити поверх первого.

– И вот тут разыгралась метель, – рассказывает Льюис Шейни, прикасаясь к своему лицу кончиками пальцев, словно снова почувствовав холодные хлопья снега.

Она ничего не говорит, только смотрит, впитывая все это в себя. Не потому, что хочет знать, совсем нет, но... похоже, что она понимает – ему нужно все высказать. Рассказать хоть кому-нибудь.

– Древний прыжок бизона! – крикнул Гейб и прыгнул прямо с края обрыва, съехав на заднице вниз в месиво из мертвых и умирающих вапити.

Льюис, Рикки и Касс осторожно спустились вслед за ним, достали из чехлов пилы с ножами и принялись за работу. Через пять минут стало понятно, что придется забрать только задние ноги – крупные, мокрые хлопья уже проникали в красные полости туш и мгновенно таяли от их жара, превращаясь в пар. Но очень скоро хлопья снега начнут побеждать в этой маленькой войне, перестанут таять и начнут скапли-

ваться внутри, а трупы станут похожими на гигантские вспоротые чучела животных с вываливающейся набивкой.

Гейб и Касс сосредоточились на одном убитом самце, стараясь снять кожу с головы, не повредив ее, потому что Гейб знал одного подпольного таксидермиста, который сделает чучело за часть мяса, если не будет порезов на шкуре. Рикки читал монолог о том, как этот четверг, День благодарения, будет в этом году индейским праздником, потому что они вчетвером привезут такую добычу.

– Классический День благодарения, – сказал Гейб, дав правильное название тому, что только что произошло.

Касс издал боевой клич, закрепив это название.

Льюис погладил себя рукой по голове в награду за самку, с которой только что разделался в рекордно короткое время – наследство участников родео, заложенное в его ДНК, – и перешел к следующей, молодой самке, но когда он опустился на колени, чтобы сделать первый разрез от промежности до грудины, она забила передними копытами, пытаясь выбраться из снега.

Льюис отпрянул назад, крикнул Кассу, чтобы тот дал ему ружье, ни на миг не отрывая глаз от этой самки. Ее глаза были... разве у вапити обычно не карие глаза? У нее они почти желтые, переходящие в ореховые по краям.

Может, потому, что она была в ужасе, потому что не понимала, что происходит, только чувствовала боль.

Сваливший ее выстрел попал в середину спины и перебил

позвоночник. Поэтому у нее отнялись задние ноги, и внутренности тоже должны были превратиться в кашу.

– Тпру, тпру, – сказал ей Льюис и скорее почувствовал, чем увидел, как ружье Касса шлепнулось в снег возле его правой ноги. Он стал на ощупь искать его, а эта молодая самка все еще билась, выдувая красный туман из ноздрей, у нее были такие большие, такие глубокие, такие блестящие глаза.

– И я не мог найти патрон, – рассказывает Льюис Шейни. – Ты можешь... я думал, что патроны кончились, что я использовал последний возле грузовика, когда происходило это безумие.

– Но у тебя был один патрон, – говорит ему Шейни.

– Два, – отвечает Льюис, глядя вниз, на свои руки.

На таком близком расстоянии ему не нужен был ни оптический, ни простой прицел.

– Прости, девочка, – произнес он и, стараясь не задеть свой опухающий глаз, прицелился и нажал на курок.

Оглушительный выстрел эхом прокатился вверх по склону, а потом отразился обратно, вниз.

Голова вапити откинулась назад, будто прикрепленная на шарнире, и она обмякла на снегу.

– Прости, – снова произнес Льюис, уже тише, чтобы не услышал Касс.

Но это же просто охота, сказал он себе. Вапити просто не повезло. Они должны были спуститься вниз с попутным ветром. Они должны были пробраться в тот сектор, к которому

у охотников нет доступа, — во всяком случае, куда не могут добраться грузовики.

После выстрела Льюис огляделся вокруг в поисках куста, на который можно повесить ружье, но какой-то звук снова заставил его посмотреть на молодую самку.

Хруст снега.

Она опять смотрела на него. *Не* мертвая. Она дышала хрипло и неровно, но каким-то чудом была жива, но ведь этого никак не могло быть. Ей ведь сломали спину и размозжили половину головы.

Льюис невольно шагнул назад и упал, прижав приклад ружья к снегу перед собой, чтобы точно знать, где находится ствол, потому что не хотел случайно отстрелить себе челюсть.

Она опять старалась подняться, невзирая на то, что у нее отсутствовала верхняя часть головы, что у нее была перебита спина, несмотря на то что ей уже следовало умереть, что она *должна была умереть*.

— Какого черта? — крикнул ему Касс. — Мое ружье не в таком плохом состоянии, парень.

Он рассмеялся, снова нагнулся над крупной самкой вапиту, которую считал своей добычей, а Льюис сидел, вытянув правую ногу в снег, шарил в карманах в поисках еще одного патрона и молился, чтобы он нашелся.

Он нашел его, вставил в патронник, передернул затвор, чтобы убедиться, что пуля сидит правильно. На этот раз, не

переставая разговаривать с молодой самкой, обещая ей, что использует каждый ее кусочек, если она только умрет, пожа-луйста, он приставил ствол прямо к ее морде, так, чтобы пу-ля вышла из нижней части ее черепа сзади и вошла в спину, куда уже попал один выстрел.

Ее желтый глаз все еще смотрел на него, а правый глаз, с безумно расширенным зрачком, уставился непонятно куда, в такое место, которое он не мог увидеть, не обернувшись.

– Вот куда я приставил ствол на этот раз, – говорит Лью-ис Шейни. – Я считал... не знаю. Та первая пуля, наверное, скользнула по черепу и отскочила. Рана выглядела хуже, чем была на самом деле. Поэтому на этот раз я не хотел дать ей шанса отскочить. Я хотел выстрелить ей прямо... в глаз.

Шейни не моргает.

– Решила быть крутой, да? – сказал тогда Льюис, у него задрожала нижняя губа, а потом он спустил курок.

Ружье Касса вырвалось из его руки, и молодая самка опять упала, а он все повторял про себя, говорил себе, несмотря на то что был индейцем, таким великим прирожденным охотником, он повторял себе, чтобы все уладить, чтобы он смог пережить следующую минуту, и следующий час, что застрелить ее – это все равно что пустить пулю в тук сена, все равно что срезать травинку на поле или наступить ногой на кузнечика. Молодая вапити даже не понимала, что происходит, ведь животные не сознают этого так, как люди.

– Ты в это тоже верил? – спрашивает Шейни.

– Десять лет, – отвечает Льюис. – Пока не увидел ее снова, прямо вон там.

– По-прежнему мертвую? – спрашивает Шейни, она теперь сидит на второй ступеньке лестницы, положив ладонь на его колено в трениках, и так она сидит, и так сидит Льюис, когда в дом входит Пита.

Пятница

Когда «Грозовой экспресс» пронесется мимо их дома в 02:12 ночи, полусонный мозг Льюиса превращает грохот его колес в топот копыт, которые все быстрее и быстрее мчатся взад и вперед по болоту, пока он резко не просыпается от... *чего?*

Внезапно в его голове возникает мысль, что поезд отбросил один из тех серых камней прямо в забор, вышиб еще одну рейку, и она вращается на поперечине, как в мультике, но это был совсем не поезд, это была... цепочка? Он садится, когда это слово соединяется с тем, что находится прямо под спальней: с гаражом. Разбудивший его звук издала цепочка на двери гаража, скользящая по длинной смазанной направляющей, и маленький моторчик, со скрежетом поднимающий дверь на каких-то два фута ниже кровати.

И подняться она могла только в том случае, если кто-то нажал на кнопку. И Питы нет на ее стороне кровати?

Льюис сидит, спустив ноги на коврик, пытаясь заставить работать затуманенную голову. Восстановив в достаточной степени равновесие, он натягивает те самые бесполезные треники, на ощупь пробирается через спальню и, спотыкаясь, спускается вниз по лестнице, той самой, на которой Пята застала их с Шейни. Они ничего не делали, но какая разница? Льюис позаботился о том, чтобы Шейни ушла с охап-

кой книг, целой серией, чтобы доказать Пите, что именно за ними она приходила, но пока он их собирал, он чувствовал, что слишком усердствует с этим доказательством, будто пытается спрятать труп на газоне, прикрывая его восемью другими трупами.

И Пита купилась на это, вот ведь в чем дело. На секунду все могло пойти по-другому, несомненно, но этого не случилось, как она позже ему сказала, из-за его глаз. Дело было не в том, что Льюис сидел там, на лестнице, это не главное.

Льюис все равно понимает, что Пите было бы не так больно, даже если бы Шейни на ее глазах натягивала бы джинсы. Но ведь Льюис рассказал другой женщине нечто настолько интимное, настолько личное, настолько тайное. И то, что он рассказал о той самке вапити индейской женщине, которой Пита никогда не могла стать, как бы быстро она ни бегала, как бы высоко ни прыгала, – именно это, возможно, стало последней раной. Во всяком случае, самой глубокой. Наверное, она до сих пор страдает от этой боли.

В четверг, хоть они с Питой почти не виделись, она была приветливой, но не совсем похожей на себя. Она не то чтобы не хотела разговаривать, скорее ей нечего было сказать. И это было намного хуже.

А теперь она не спит в два часа ночи, притом что любила поспать и ценила каждую минуту сна до звонка будильника в пять утра.

Спускаясь с лестницы и придерживая треники, Льюис

промахивается и переступает две последних ступеньки, падает вперед в гостиную, огибает по самому краю контур из липкой ленты, и эта дурацкая лампочка на потолке вновь мигает, не подчиняясь никакому разумному объяснению. Она включилась из-за звука спотыкающихся шагов Льюиса? Или она мигает из-за открывающихся дверей гаража?

Но сейчас куда важнее понять, чем сейчас занимается его жена.

Льюис тянет на себя дверь в гараж, почти с благоговением, и видит, что лампочка, вделанная в моторчик гаражной двери, еще горит, потому что прошло всего около сорока секунд после того, как дверь поднялась. На бетонной плите за пределами пятна мягкого света от этой лампочки, прижав колени к груди и обняв их руками, с рассыпавшимися по спине светлыми, почти белыми волосами, сидит Пита в ночной рубашке, коротких носках и резинкой для волос на запястье, которую она надевает, когда ест хлопья на завтрак.

Она только что плакала. Льюису не нужно видеть ее лицо, чтобы это понять. Он понимает это просто по ее сгорбленной спине.

Он ступает на холодный гладкий бетон гаража, чтобы подойти к ней, и тут видит...

Харли... нет. Уже не Харли.

Он похож на того доброго пса из его детства, которого лягнула в голову лошадь. С Харли произошло нечто подобное. Только то был всего один быстрый удар копытом, раз – и все,

поэтому никто из зрителей на параде даже не понял, что случилось, все заняло одну или две секунды.

Этого... этого пса словно затоптала лошадь, которая хотела свести с ним какие-то крупные счеты, она топталась на нем снова и снова, била копытами, превращая его в месиво, в кровавое пятно, на котором местами виднеются то зубы, то осколок кости, и всюду клочки меха.

Льюиса выворачивает раньше, чем он чувствует тошноту и понимает в чем дело. Горячая и жидкая рвота заливает ему ладони, будто он боится расплескать ее на пол. Когда он чувствует, как она просачивается у него между пальцами, он начинает давиться по-настоящему, бросается наружу и выдает все под баскетбольной корзиной, а треники лежат вокруг его лодыжек.

Наверное, неприятное зрелище, но Пита на него даже не смотрит. Когда все заканчивается, он подбирает свои дурацкие треники и прижимается лбом к облупившейся краске на столбе под корзиной просто для того, чтобы ухватиться за что-то прочное.

– Я не понимаю, – говорит он.

– Он мертв, – говорит Пита, сообщая очевидное.

«Да, но...» – не произносит вслух Льюис.

Если дверь была приоткрыта всего на четыре дюйма, как он ее оставлял для проветривания, тогда... тогда:

– Что могло это сделать?

Пита поднимает на него взгляд из своей бездны горя и

говорит:

– Не позвонить ли насчет этого твоей коллеге?

Конечно, Льюис это заслужил. «Коллегой» он называл Шейни в те несколько минут после того, как выпроводил ее с охапкой книг.

– Нет, не надо, – отвечает он. – Я даже не знаю ее номера.

Но тут он понимает, что все-таки знает. Номер указан в новом рабочем справочнике, который выпустили совсем недавно.

– Что могло с ним такое сделать? – говорит он, садясь рядом с Питой.

Она отодвигается, будто освобождая ему место. Будто недостаточно места на этой плите из покрытого каплями воды и пятнами масла бетона, шириной в два автомобиля.

Нет: будто она не хочет прикасаться к нему.

– Он не виноват, – говорит Пита, невидящими глазами оглядывая гараж. – Он был просто собакой. – Но разве это ответ?

Льюис помимо своей воли смотрит на ее ступни в носках. Ни свежей, ни запекшейся крови.

И следов копыт тоже нет.

Но дверь была приподнята всего на четыре дюйма. И Пите пришлось бы поднять ее, чтобы прийти сюда посидеть и подумать. Единственное объяснение – кто-то из них двоих затоптал Харли или это был кто-то другой... *что-то* другое.

Льюис оглядывается вокруг, сердце колотится в груди, он

осматривает темную пещеру гаража в поисках высокой фигуры с большой головой, распластавшейся по стене, прячущейся совсем близко, желтые глаза которой впитывают свет.

Не конские копыта убили Харли, это была вапити. Откуда он знает? Уже миновала полночь, так что сейчас формально уже суббота, и осталась ровно неделя до десятилетней годовщины того классического Дня благодарения.

– Не знаю, следует ли нам тут оставаться, – говорит он.

Пита не поднимает глаз.

– Ко всем новым домам нужно некоторое время привыкать, – как всегда практично отвечает она. – Помнишь тот дом с чердаком?

Льюис был совершенно уверен, что в том доме водятся привидения. В том доме, где он заколотил доской люк на чердак в потолке, на тот случай, если что-то захочет выползти оттуда и постоять у кровати с его стороны. Или с любой стороны. «Индейцы боятся привидений», – вот как он тогда объяснил это Пите. Сейчас у него тоже нет другого объяснения.

– Я не могу спать, – говорит он.

– Несколько минут назад ты вполне себе спал.

– Почему ты встала? – спрашивает Льюис, наблюдая за профилем Питы.

– Мне показалось, что я что-то услышала, – отвечает она, пожимая одним плечом.

– Харли? – Льюис задает этот вопрос, потому что это оче-

видно.

– Лестница, – говорит Пита, и все тепло мгновенно покидает тело Льюиса.

Он делает вдох, потом выдох, длинный и дрожащий.

– Я не рассказал тебе всего о той... охоте, потому что не хотел, чтобы ты об этом думала, – говорит он.

После этих слов Пита поворачивается к нему. Такое оправдание заслуживает полного внимания с ее стороны.

– Ты не любишь слушать о... животных, – прибавляет Льюис.

– Но эта история про тебя, – без колебаний возражает она. – Она о том, кто *ты* такой.

– Я не рассказал ей конец этой истории, – говорит Льюис еле слышным, треснувшим голосом.

Пита не отрывает от него взгляда. Ждет.

– Уверена, что хочешь знать? – спрашивает он.

– Ты на ком женат? – задает она встречный вопрос. – На ней или на мне?

Льюис кивает, принимая удар, и вновь возвращается туда, начиная с того момента, когда он разрезал живот молодой вапити, когда он вонзил нож в молодую самку, которая не понимала, что она уже мертва, и на снег вывалилось ее вымя. Оно было голубоватым, мускулистым и покрыто венами, еще соединенное с молочными железами и готовое для кормления.

Она была слишком молода для беременности, вероятно,

она не смогла бы доносить теленка до весны, в любом случае, сезон был неподходящий, плод не мог быть таким большим, но все равно – вот почему она так боролась, он знал это тогда и сейчас знает. Неважно, что она умерла. Она должна была защищать своего малыша.

И этот младенец, этот эмбрион или зародыш, этот теленок свернулся там, внутри, похожий на фасолину, и прижал головку к груди, будто собирался посмотреть на него из кровавых внутренностей матери, будто собирался вскочить на четыре тонкие, дрожащие ножки и уйти прочь, вырасти, но так и не развиться до конца, поэтому он бы в конце концов остался большеглазым гладкокожим зародышем весом в семьсот фунтов, вечно ищущим свою погибшую мать.

Когда Касс не смотрел на Льюиса, а он совсем не обращал на него внимания, Льюис прикладом ружья вырыл ямку в смерзшемся грунте и бережно уложил незавершенного вапити в землю, присыпал его, как мог, а затем – неважно, что вокруг бушевала метель, швыряя на него один снежный заряд за другим – не пожалел сил и времени, чтобы разделить эту молодую вапити, как следует, до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.